

A classical painting depicting a scene with figures in white robes and a dark, shadowed area in the upper right. The figures are rendered with soft, flowing drapery, and the overall composition is dramatic, with strong contrasts between light and shadow. The background features a dark, leafy tree or bush in the upper right corner.

ДМИТРИЙ ЗАХАРОВ

ЗОНА ПРОКАЖЕННЫХ

Дмитрий Аркадьевич Захаров
Зона прокаженных

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12260737
ISBN 9785447430979*

Аннотация

Опасный и загадочный мир, населенный лешими, разумными растениями, поглощающими органику, и удивительными золотыми людьми, находится рядом. В пяти шагах от Вашего дома. Книга от автора бестселлера «Безумный аттракцион» Дмитрия Захарова.

Содержание

Зона прокаженных	5
Багровая луна	5
Профессор штраус	7
06.30 По полуночи	18
Зона. Часть 1	22
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Зона прокаженных

Дмитрий Аркадьевич Захаров

© Дмитрий Аркадьевич Захаров, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зона прокаженных

Багровая луна

Голый человек припал к земле, в руке он сжимал сучковатую дубину, на спине вздулись бугры мускулов. Вепрь был огромным. Зеленая шкура лоснилась на солнце, как расплавленные изумруды, с желтых клыков стекает клейкая жидкость. В межсезонье яд хищника мало токсичен, на размеры и мощь превращают его в опасного противника. Зверь издал оглушительный рев, от которого задрожала земля, и кинулся навстречу людям. Ола охнула и упала на землю, золотая кожа покрылась алой сепию, девушка потеряла сознание. Вепрь мчался вдоль глубоко рва, намереваясь атаковать противника с тыла. Короткие уши прижаты к треугольной голове, крохотные глазки утонули в складках бугристой кожи. Он налетел на голое деревце, и вырвал его с корнем. Растение жалобно вскрикнуло, из ямки сочилась густая оранжевая кровь. Мужчина перехватил дубину – слабое оружие для встречи такого монстра! Ола тихо прошептала что-то неразборчивое, и перевернулась на спину. Золотые скулы мерцали ровным свечением, обморок перешел в глубокий сон. Ждать нападения вепря на открытой местности – равносильно самоубийству, монстр набрал скорость, дубина разлетится в щепы о каменный череп! Единственное уязвимое место на теле чудовища, это горло – тонкие переплетения синих вен едва прикрыты нежной детской кожей. Однако зверь хитер. Он прижимает голову к груди, нагнув могучий череп, угрожающе выставляет короткие наросты над глазами, скалит длинные клыки. На черных губах закипает розовая пена, вепрь плюется как верблюд, это скорее жест угрозы, чем акт реального нападения. Однако, если слюна попадет в глаза, она разъест роговицы в считанные минуты. Человек быстро взвалил тело девушки на плечо, и побежал наперерез хищнику. Монстр сбавил шаг, в маленьких глазах светилось недоумение. Этот гигант, похожий на обычных людей, с розовой, как у енотов кожей, и густой шерстью на голове, задумал что-то необычное! Вепрь остановился, фыркнул, ударил острым копытом по земле. Человек замахнулся дубиной, и громко закричал. Голос у него звонкий, как у горных леших, но лешие худые, сутулые, и запах издают резкий и неприятный. Зверь втянул носом воздух. Незнакомец пахнет также, как обычные люди. Вот он остановился, положил дубину возле ног, и широко улыбнулся, обнажив ряд блестящих ровных зубов. Вепрь неуверенно топтался на месте – приступ ярости прошел, зеленая шкура на спине покрылась голубым налетом. Он махнул коротким хвостиком, громко фыркнул, развернулся на месте, и потрусил к высоким деревьям.

Ола открыла глаза.

– Ты дрался с ним?

– Нет... он убил дерево, и ярость ушла.

– Дерево... – тихо повторила девушка. – Смерть лишила вепря злобы. Чужая смерть забирает злобу. – Она глубоко вздохнула, золотое свечение коснулось оголенного черепа.

Нам пора... – тихо сказал он.

– Лешие?

– Скоро ночь, ты знаешь...

– Идем.

– Я могу нести тебя на руках...

– Нет! Ты – сильный, но путь далекий. Ола идет сама... – она встала на ноги, и люди двинулись вслед уходящему солнцу. В небе мерцали яркие фиолетовые зарницы – мужчина ускорил шаг. Ночью могла начаться гроза, лешие предпочитают ненастье. Люди шли по голубому полю, розовые деревья протягивали ветви, с узких листьев стекала темная, пряно пах-

нущая смола. Ола попробовала ее на вкус, забавно сморщилась, золотое свечение на щеках девушки покрылось рябью.

– Горько... – она прижалась к спутнику. – Будет гроза. Деревья плачут, боятся...

Радужный диск клонился к закату, черные тени неотступно следовали за беглецами. Ола скакала на носочках, пытаясь подстроиться в лад размашистой ходьбы мужчины. Она запыхалась, и словно ребенок повисла у него на руке.

– Ты быстрый и сильный, но Ола устала... – девушка застенчиво опустила длинные ресницы. Мужчина, не замедляя ход, подхватил ее на руки как пушинку, и перешел на легкий бег. Девушка восхищенно присвистнула, в лучах заходящего солнца ее череп горел как расплавленная медь. По долине пронесся порыв свежего ветра, деревья заплакали, спешно покрывали черные кроны пушистой листвой. Ола прижала лицо к плечу спутника.

– Гроза! – шептала она. – Идет гроза...

Сумерки быстро окутывали землю темным плащом. На горизонте угрожающе темнел горный массив. Оттуда раздалось приглушенное шипение, раскатистый хохот, который вдруг резко оборвался, и воцарилась тишина. Несколько минут царило безмолвие, его нарушал нескончаемый плач деревьев.

– Лешие... – едва слышно прошептала Ола. – Они нас почуяли. Они идут за Олой следом, они поймают Олу, бедная, бедная Ола... – девушка готова была опять лишиться чувств.

– Черта с два! – прошептал мужчина. Он оглянулся, на западе сгущалась черная вязкая туча, похожая на уродливого бегемота. Она уверенно спускалась с гор, пожирая слабые лучи заходящего солнца. Внутри облака змеились голубые молнии, беззвучно вонзающиеся в земную твердь, а по склонам карабкались кривые фигурки долговязых уродцев. Чудовища неторопливо шагали в долину, раскачиваясь как танцующие дервиши. Они подбадривали друг друга громким шипением и раскатами пронзительного хохота. Солнечный диск одарил землю робкими брызгами золотого дождя, и исчез за линией горизонта. Деревья рыдали в голос. Ола всхлипнула, и потеряла сознание. Мужчина стиснул зубы, отбросил дубину, взвалил бесчувственное тело на плечо, и помчался что было сил. Звук его шагов по твердой земле разносился в ночном воздухе. Лешие дружно зашипели, и выкатились на равнину, голубая молния вонзила трепещущее жало в крону одинокого деревца, ствол покрылся накипью густой крови. Дерево охнуло в предсмертной корче, и затихло. Лешие кинулись к вязкой лужице, и приникли к ней бледными ртами. На небе выплыла багровая луна. Ночь уверенно вступала в свои права. Долгая, холодная ночь...

Профессор штраус

День выдался жарким, вечер сулил долгожданную прохладу. Горячий воздух прилип к оконному стеклу, сквозь распахнутую форточку втекал шум автомобилей, девичий смех, рокот катеров, носящихся по свинцовой глади Невы. В этом году выдалось теплое лето, столь редко радующее ласковым теплом жителей северного города. В воздухе плыли белые тополиные пушинки, как крохотные парашютисты они приземлялись на асфальт, сбивались в кучки невесомой пороши возле каменных стен высоких домов. Высохли лужи в скверах и городских парках, утомленные жарой томно урчали голуби.

Виктор бросил тоскливый взгляд на улицу, солнечный луч бился, накрепко схваченный глухими шторами. Такой погожий день следует провести на природе, вдали от городской толчеи. Тучный мужчина перехватил взгляд молодого человека, подбежал к окну, и наглухо задержал портьеру. Комната погрузилась во мрак.

– Так ведь лучше? Не правда ли? Ничего не отвлекает от беседы... – голос у него был под стать фигуре, жирный, сочный, гладкий. Отполированные слова, как фальшивые монеты выскальзывали изо рта, минуя десны и губы. Виктор пожал широкими плечами, с трудом сдерживая приступ досады. Такой день жалко проводить в душной квартире! В кармане завещал сотовый, радуясь минутной передышке, он достал телефон. На голубом экране высветилось имя Stasy. Мужчина не мог удержаться от улыбки. Голубоглазая, русоволосая Настя выглядела как образец рекламной статьи «Невеста из России». Предмет вожделения неудачников из американской глубинки. И характер у нее был славянский, она могла быть шальной и покорной, грубой и нежной, честной и лживой одновременно. Она любила и ненавидела как классические героини романов Достоевского. Иногда Виктор думал, что если бы такой девушки как Настя не было на свете, ее обязательно следовало бы придумать.

– Привет, дитя Венеры! – он широко улыбнулся, обернулся к собеседнику, извинительно прижал ладони к груди, поднялся с кресла, и подошел к окну.

– Я в восхищении! – бодро крикнула Настя. – Наверное, неделю думал, прежде чем извлек комплимент из недр подсознания, или вычитал где-нибудь...

– Ты хорошо обо мне думаешь, красавица! Ты ведь знаешь, что я не читаю умных книжек!

– Конечно! Если не мои смс, то и грамоту позабудешь!

– Едва ли. Кредиторы напомнят! – он спохватился, прикусил губу, но было поздно. Чудо – девушка обладала феноменальной интуицией.

– Вик! Ты где сейчас?! Немедленно рассказывай!

Мужчина стиснул громадные кулаки. Тряпка! Он не имеет права впутывать ее в свои дела.

– Ничего особенного! – он фальшиво рассмеялся. – Сидим, пьем кофе, пустые разговоры ведем...

Толстяк деликатно постучал собеседника по плечу, для этого коротышке пришлось встать на цыпочки.

– У нас не так много времени, гражданин Чернышев!

Опять эти скользкие, будто облизанные морской водой камушки – слова! И обращение, как из протокола общественного судьи изъято. «Гражданин!» Того и гляди, ученый муж начнет цитировать Маяковского. Как это было у классика? «Я достаю из широких штанин...»

– Одну минуту!

– Вик! Скажи, где ты находишься, и я немедленно приеду!

– Настя, милая, я сейчас не могу разговаривать! Ничего военного, обещаю тебе! Слышишь?!

Девушка плакала.

– Витя, я прошу тебя, не делай глупостей! Черт с ними, с деньгами этими. Ну, хочешь, я попрошу у отца? А мы потом отдадим частями...

Мужчина скрипнул зубами. Про отца ей не следовало вспоминать!

– Я перезвоню! Перезвоню, родная! – он решительно нажал красную кнопку, сотовый пискнул, экран погас.

– Извините... – Виктор повернулся к толстяку. – Я отключил телефон. Нас не побеспокоят, но я слишком занят, так что в вашем распоряжении пятнадцать минут. Этого достаточно?

– Вполне! Прошу садиться!

Мужчина уселся в неудобное кресло, оно было низким, колени возвышались из – за журнального столика. Коротконогий собеседник наоборот, чувствовал себя вполне комфортно. Он потянулся за чашечкой с остывшим кофе, с наслаждением глотнул, и зажмурился, будто в жизни не отведал ничего вкуснее.

– Не понимаю я вас, нынешнее поколение... вроде говорите на русском языке, а сплошные американизмы. Вот и девушка вас зовет странно как-то «Вик».

– Точно! Я ее – Стейси. Если вы за подобную болтовню готовы заплатить десять тысяч тех самых американских долларов, я к вашим услугам ближайšie пару лет!

– Невысоко себя цените, милейший! Пять тысяч долларов в год, это четыреста семьдесят пять условных единиц в месяц. По нынешним меркам, приезжие господа из дружественного Узбекистана получают больше.

– Вы позвали меня ради урока арифметики и геополитики?

Толстяк загадочно улыбнулся.

– У вас есть чувство юмора. Это хорошо! Оно вам пригодится. Для отставного военного вы умны и образованы. Такое нечасто встречается. Не хотите еще кофе?!

Виктор сжал пальцами ручки кресла, старое дерево жалобно заскрипело.

– В вашем распоряжении осталось тринадцать минут...

– О кей! Беседуем на ваш манер, господин Чернышев, хотя мне ближе термин «товарищ». Время – деньги, так говорят наши друзья американцы! Итак, перейдем к сути дела... Называйте меня Михаил Семенович. Фамилия Штраус, как у известного композитора. До не давнего времени заведовал кафедрой в Политехническом институте. Мне пятьдесят восемь лет, я не женат, еврей, если это для вас имеет значение.

– Не имеет!

– Тем лучше! Не хочется, чтобы такая досадная мелочь как шовинизм, помешала нашей дружбе!

– Мы с вами – не друзья!

– Согласен. Мы партнеры. Опять-таки модное слово... Продолжаю! Про вас мне тоже кое-что рассказали. Капитан Чернышев, военный в отставке. Родных не имеете, мать умерла три года назад, простите, если причиняю боль. Тридцать восемь лет от роду, мастер спорта по боевому самбо, последний выпуск ныне расформированного десантного училища, ну там горячие точки всякие, это малоинтересно... Важно другое. – Толстяк хитро прищурился. – Вы влезли в непомерные долги, господин капитан, и насколько мне известно, долги чужие. Благородно! В наш циничный век!

– Это к делу не относится! Двенадцать минут...

– С вами непросто! – Михаил Семенович поежился, словно за шиворот ему сунули ледышку. Впрочем, он не был похож на человека, который в детстве играл в снежки, и гонял на лыжах. Такие мальчики с ранних лет брошены на алтарь науки. Период сексуального возмужания они переживают, склонившись над исписанными чернильной синью страницами. Эротические образы, облечены в угловатые формы синусов и котангенсов. Несчастливые дети,

в десять лет похожие на крошечных стариков. Но именно такие дети становятся впоследствии нобелевскими лауреатами, совершают великие открытия.

– Постарайтесь короче и без сложностей, я – военный человек, и привык к четким формулировкам.

– Согласен! – толстяк встал из – за стола, быстро потер маленькие ладони, будто пытаюсь разжечь огонь. – Постараюсь быть кратким. Наши... – он запнулся. – Наши спонсоры возлагают большие надежды на мою систему. Н-да... Именно систему. Посему такое больше вознаграждение первому... – он опять запнулся. Слова – камушки, доселе текущие из круглого рта, превратились в угловатые булыжники. – Первому человеку, готовому взять на себя... взять на себя бремя ответственности за удачные испытания, – он извлек из кармана большой носовой платок, и вытер с лысины круглые капельки пота. Виктор внимательно следил за толстяком. Все в нем было старомодно, нелепо и трогательно. Бежевый костюм, с неизменным галстуком, плотно повязанным под лоснящейся шеей. Смешные круглоносые ботинки, со стоптанным кантом, и оборванным шнурком, печально волочащимся по полу за своим хозяином. И конечно, классика жанра – короткие отутюженные брюки, едва покрывающие тугую резинку носков! Забавно и глупо. И не похоже на правду. Кабы не десять тысяч долларов, обещанные за участие в некоем эксперименте. Деньги были абсолютно реальные. От испытателя требовалось отменное здоровье, физическая подготовка, и психическая стабильность. Профессор позвонил ему, ссылаясь на рекомендацию старого товарища, Димки Рослова. Тот пару лет назад канул в небытие, ходили разные слухи, одни говорили, что он спился и погиб, другие утверждали, что свалил в Доминикану, и живет с туземкой. Некоторые общие знакомые туманно намекали, что Рослов стал большой шишкой, и чуть ли не заседает в Совете директоров крупной нефтяной компании. Черт его знает?! Димка был парень авантюрного склада, и любая из перечисленных версий имела право на существование. Именно он рекомендовал Виктора этому реликтовому профессору, словно объявившемуся из восьмидесятых годов прошлого столетия. Не совсем понятно, откуда однофамильцу великого композитора известно про долги, но это неважно! Деньги не пахнут...

– Вы меня слушаете?! – Михаил Семенович перегнулся через стол, и дернул собеседника за рукав.

– Виноват! – В комнате было чертовски жарко, спайки пыльного воздуха витали над тяжелыми парчовыми занавесями.

– Вы урезали лимит моего выступления до четверти часа, а сами витаєте в облаках! – толстяк раздраженно высморкался.

– Отвлекся. Я слушаю внимательно.

– Согласен! – похоже, это было его любимое словечко. – В конце концов, речь идет о вашей безопасности, в том числе. Итак, я продолжаю... Избегая технических сложностей, сразу же перейду к сути дела. Вы читали романы Уэллса, например?

– Человек – невидимка? – Виктор с трудом подавил зевок. Настя наверное обрывает телефон, попросит денег у отца... он машинально потрогал тонкое золотое кольцо на безымянном пальце. Все – таки, она смешная девушка! Накануне подачи заявления в Загс, она настояла, чтобы они обручились, и теперь он носит это нелепое кольцо, как дешевый пиджон!

– Н – нет... я имел в виду «Машину Времени».

– Да... читал. Морлоки, нуэллы, и прочая галиматья.

– Согласен. Именно морлоки... Что вам могло еще запомниться?! – Михаил Семенович всплеснул ладошками, как трагический актер. Он вскочил с кресла, и пробежал круг по комнате, едва не сбив на пол антикварную вешалку, заваленную лежалым тряпьем. – Все написанное фантастом – сказка! Чистейшей воды вымысел, согласны?!

– Я-то здесь при чем?! – старинные часы глухо пробили шесть раз. Виктор поднялся с кресла. – Ваше время истекло, уважаемый профессор!

– Сядьте! – толстяк угрожающе раздул ноздри. Выглядел он чрезвычайно смешно, мужчина помимо воли улыбнулся.

– Сядьте, и слушайте внимательно! – Михаил Семенович достал из ящика стола пухлый конверт. – Мне было приказано отдать вам деньги по окончании эксперимента, то же самое указано в договоре, – вслед за пакетом объявился пестрый лист бумаги, изобилующий лиловыми печатями. – Но я не уверен, что вы... ну что вы вернетесь оттуда, понимаете?!

– Не понимаю! – мужчина открыл конверт, внутри преданно шуршали новенькие зеленые купюры.

– Можете не пересчитывать! – высокомерно наклонил лысую голову профессор. – Вот договор! На стол лег казенный лист с отпечатанным текстом. – Читайте, коль есть охота! – толстяк усмехнулся. – Эти умники так ловко составляют формы договора, что вы не имеете никаких прав. И не подкопаешься! Я отдаю вам деньги, нарушая условия, но в ответ требую пару часов вашего драгоценного времени. Берите деньги, подписывайте эту липу, или валите к своей возлюбленной, и прекратим на этом общение!

Виктор сунул деньги в карман, и быстро поставил в нижнем углу широкий росчерк. Отец Насти был юрист, он любил рассказывать про простаков, оставляющих сигнатуры где попало. Сволочь редкостная!

– Слушаю вас! – он вновь уселся в неудобное кресло.

– Кофе хотите?

– Валяйте! – пухлый конверт ласково прижимался к груди. Как ручной тигренок. А Настя утверждает, что деньги не имеют влияния на людей!

Михаил Семенович схватил древний кофейник, и убежал на кухню. Было слышно, как он там чертыхается, загудел кран, струя воды ударила о дно раковины. Чудаковатый профессор оказался симпатичным парнем. Пятьдесят восемь лет – ровесник Настиного папаши. У милой девочки был отец паразит. Бывают такие генетические сбои программы. Настоящая тварь! По его настоянию девушка устроилась работать в банковскую систему. Выписывала какие-то кредиты, или еще черт знает что, и по ее оплошности некие ловкие господа умыкнули десять тысяч долларов. Юрист папаша кому – то позвонил, быстренько вошел в курс дела, и подтвердил легитимность сделки. Он именно это слово употребил «легитимность»! Слово, как яд! Похоже на разновидность рака! И главное, все случилось за две недели до их свадьбы! Виктор подозревал, что отец Насти приложил руку к этой истории, уж слишком радостно он объявил о пресловутой легитимности. Как бы то ни было, свадьбу отложили, а юрист ликовал. Черта с два у него получится! Мужчина погладил упругую выпуклость на куртке, и склонился над бланком договора. Вообще, странная история! Загадочные спонсоры выдают деньги наличкой на квартире у чокнутого гения. Так не бывает! Следовало проверить валюту. Говорят, сейчас на рынке полно отличных подделок. Даже спецы не всегда могут разгадать. Виктор запустил руку в карман, наугад достал плотную бумажку из пачки. С банкноты на него равнодушно взирал седой господин. Длинные волосы, как у стареющего рок музыканта, постное выражение лица. Все на месте, и пестрые волоски, и точки над пирамидой. Чернышев провел кончиками пальцев по ребристой бумажке. Если это и подделка, то высочайшего качества!

Из коридора раздались шаркающие шаги, Виктор поспешно спрятал доллары в карман. Профессор явно не тянет на мошенника. Это таким как Штраус обычно всучивают фальшивку! Профессор вошел в комнату, неся на вытянутых руках старинный поднос из белого металла, с облупленными ручками. Виктор поднялся с кресла, помог поставить поднос на стол. На нем красовались две чашки, одна наполненная дымящимся чаем, в другой был налит ароматный кофе. Рядом красовалась ажурная сахарница с кусочками колотого рафи-

нада. Ей Богу – чудак! Кто сейчас использует рафинад?! Михаил Семенович перехватил взгляд собеседника, и грустно покачал головой.

– Старые привычки, я люблю пить чай в прикуску... Кофе для вас. Мое сердце окончательно взбунтуется от этого напитка. Читаете? – он смачно хрустнул куском рафинада, отхлебнул из чашечки, и ткнул пальцем в договор.

– Шибко мудрено!

– Вас наверное удивляет, что сделка выглядит как покупка джинсов у спекулянта?

– Немного. Я проверил доллары.

– Не тревожьтесь, валюта настоящая. Наши спонсоры не вполне обычные граждане, к тому же я нарушил условия договора. В седьмом пункте указано, что деньги вы можете получить по результату эксперимента.

– Я прочел, – мужчина взял чашечку, пригубил, на удивление кофе оказался выше всяких похвал. – Спасибо...

– Не за что. А вам не интересно, в чем именно заключается этот эксперимент?

– Как – то очень туманно написано. «Деполаризация временного континуума...» Или вот здесь. «Не исключена пространственная амнезия...»

– Ну, это просто! Амнезия – потеря памяти. Континуум – означает ожидание, другими словами прогнозы. Переводя на русский язык, если вы умрете, они не при чем.

– Не привыкать! – Виктор криво усмехнулся. – Валяйте, Михаил Семенович, рассказывайте. Деньги я взял, договор подписан, свои решения обычно не меняю.

– Согласен! – толстяк поставил чашку на стол, сцепил пальцы рук в замок, нахмурил брови, и стал похож на школьного учителя. – Итак! Я упомянул роман Уэллса неспроста. Речь шла о перемещении во времени. Великий фантазер из скучной Англии придумал удивительный сказочный мир, наполнил его морлоками, нуэллами, одним словом описал социальную антиутопию будущего. В романе путешественник перемещается на некоем кресле, снабженном рычагами. Уэллс сочинил красивую сказку за четверть века до появления теории относительности, а потому он использовал время изолированно от пространства, что является грубой ошибкой, не согласны? Вы следите за ходом моей мысли? – Виктор кивнул. Слова профессора вновь обрели плавную текучесть, они изливались из его рта гладко, упруго, без напряжения.

– Отлично! Теперь по теме. Машину времени изобрести невозможно. Это – факт. Однако ученые давно наблюдают так называемые пространственные дыры, вряд ли вы что либо об этом слышали, но наверняка читали про Бермудский треугольник, НЛО и прочую антинаучную ересь. Так вот – пространственные дыры – это своего рода смычки между многочисленными измерениями, существующими во Вселенной.

Профессор был умница. Он пытался донести чрезвычайно сложные истины языком школьного преподавателя, и у него неплохо получалось.

– Довольно противоречивая теория. – Михаил Семенович смахнул со стола невидимые крошки. – В обычном понимании все сущее состоит из неделимых атомов. Теория ладная, до тех пор, пока не встает вопрос о межгалактическом пространстве. Там, как известно, абсолютная пустота, и тем не менее, законы всемирного тяготения исправно работают. Не буду усложнять, но последние годы мировые светила сошлись на том, что все пространства похожи на виноградную гроздь. Каждое из них, в том числе и наше, это отдельно взятая ягода, и своей кожурой, пространства примыкают друг к другу. Их великое множество, этих миров, а ветвь, на которой растет наш виноград – не что иное, как время. Согласны!

– Согласен! – Виктор допил кофе. – Вы толково излагаете, но в чем конкретно состоит моя задача?

– Я как раз подошел к сути, а вы перебиваете! – он недовольно насупился.

– Фу, черт! Сбили с мысли... Короче говоря, в идеале кожура ягод винограда должна сохранять целостность, иначе пространства поглотят друг друга, и воцарится хаос. Что собственно и случается во вселенной, черные дыры, белые карлики, и тому подобное. Отдельные изъяды появляются, откуда мы можем наблюдать летающие тарелки, и прочую дребедень. Далее... мы давно обнаружили, что эти, так называемые пространственные дыры не имеют четкого местоположения. Они возникают во многих точках земного шара, и имеют различную степень интенсивности. Представители крупных держав совершали попытки приблизиться к ним, но дыры ускользали. Например, НАСА охотились за Бермудской зоной в течение десяти лет, но безрезультатно. Несколько месяцев назад подобная зона, причем весьма мощная, судя по яркости электромагнитного излучения, появилась в тридцати километрах от нашего города.

– Черт возьми! – воскликнул Виктор. – Я помню, нынешней весной, возле Сестрорецка было отмечено северное сияние. Об этом даже газеты писали!

– Газеты! – презрительно фыркнул профессор. – Повторяю. Пространственные дыры, для ученых явление заурядное. Проблема заключалась в том, чтобы к ним приблизиться. Ну как бы вам это объяснить... Никогда не приходилось охотиться за радугой?! Кажется, через несколько шагов ее можно потрогать рукой, согласны? Однако по мере приближения, она исчезает, растворяется на глазах. Но если с радугой все объяснимо законами физики, то зону невозможно увидеть, зафиксировать, либо измерить. И вот с этого момента начинается самое интересное... Мне и моим сотрудникам удалось не только нащупать эту самую зону, мы сумели ее поляризовать, понимаете?! – Штраус вскочил со стула, и пробежал по комнате. Галстук самовольно вырвался наружу, и повис на обшлаге костюма как победоносный стяг. – Я работал над поляризацией зон в течение семи лет! Я охотился за ними как Ван-Хельсинг за вурдалаками, я почти настиг ее в Сахаре, дважды она, словно живое существо, ускользала от меня на Камчатке и в восточной Сибири, под Абаканом, и вот, наконец, в пятидесяти километрах от родного города, я поймал ее, понимаете?!

– Честно говоря, не совсем... – откровенно признался Виктор. Ему очень не хотелось огорчать симпатичного толстяка, профессор сиял как первоклассник получивший «отлично». – Я рад за вас, Михаил Семенович, но большая часть слов звучит для меня как тарабарщина, извините...

Штраус остановился, заправил галстук на место, тепло посмотрел на мужчину.

– Вы мне симпатичны, капитан Чернышев. И я хочу, чтобы вы ясно осознавали всю опасность предстоящего эксперимента. Я разработал систему, которая позволяет удерживать зону в радиусе нескольких метров. Это все равно, что поймать привидение. Таким образом, мы установили ворота между виноградинами. Ну а ваша задача заключена в том, чтобы «войти» в эту зону, вот собственно и все! – Он подошел к окну, и распахнул шторы. Солнце покрыло крыши домов горящим багрянцем. Шпиль Петропавловки разрывал лиловую синь умирающего дня. На подоконник вскочил жирный голубь, рассеянно цокнул клювом о гулкую жесь, взмахнул крыльями и улетел.

– Я не ученый... – кашлянул Виктор. Ему смертельно хотелось курить. – Вы обязаны были опробовать зону на животных.

– Вы правы... – устало кивнул Штраус. – Система снабжена чувствительными камерами, но снимки недостоверны. Помните, я вам говорил, что виноградины нанизаны на ветку? Ветка – это время. Любое фото фиксирует поток световых частиц, который отражается в объективе. Эти частицы движутся со скоростью света. Таким образом, мы видим изображение не таким, каким оно является в действительности, а с минимальным опозданием. На тот сверхмалый срок, что требуется фотонам домчать до объекта. В зоне оказалось все иначе. Мы не можем утверждать наверняка, по каким законам там течет время, скудный набор теоретических сведений из квантовой механики оказался бессилён.

– Но ведь что – то отразилась на этих снимках? Иначе, каким образом, господа ученые поняли, что поймали эту самую зону?

Профессор достал из шкафчика большую бронзовую пепельницу.

– Курите...

Виктор благодарно кивнул, достал сигарету, чиркнул зажигалкой, в воздухе поплыли сизые круги. Штраус смотрел на них, как завороченный.

– Что оказалось на снимках? – настойчиво переспросил Чернышев. Михаил Семенович с трудом отвел взгляд от сигаретного дыма.

– Это... это трудно объяснить...

– Постарайтесь, профессор!

– Изображение оказалось сильно искажено, вероятно, время меняло цикл, или смещалась зона, система весьма нестабильна, мы удерживаем ее при помощи гравитации, а это все равно, что держать тигра на поводке... – он опять достал платок из кармана, и нервно высморкался.

– Я не барышня, господин Штраус, а боевой офицер! – Виктор затушил окурок. – Выкладывайте, что там такого ужасного. Увидели наше будущее, и оно вас шокировало? – он усмехнулся, но на душе было тревожно.

– Какое к дьяволу, будущее?! Я уже говорил, что время искажает пространство, но само оно неизменно. При помощи компьютерной расшифровки, нам удалось максимально «расчистить» изображение. То, что там оказалось, повергло нас в изумления, простите за высокопарный слог, дружище. На съемке был запечатлен чужой мир... страшный и прекрасный одновременно. Это иное пространство, время всего лишь вектор.

– Точнее! – рявкнул мужчина. Штраус вздрогнул.

– Чужой мир, окрашенный необычными цветами... – сказал он почему – то шепотом и оглянулся.

– Какой к дьяволу мир?! – в тон ему спросил Виктор. «Может быть это все – розыгрыш?!» промелькнула короткая мысль. Димка Рослов был мастак на такие штуки. Он даже не уточнил, откуда появился однопольчанин. Лох, он есть лох! Настя права, доверчивый мальчишка... – я могу посмотреть эту запись?

Профессор отрицательно качнул головой.

– Она исчезла.

– Что значит «исчезла»?! – Точно – розыгрыш! Горячий жар ударил в голову. Мужчина поднялся на ноги, сжал чугунные кулаки, с жалким стуком упало на пол кресло. В такие мгновения на него было страшно смотреть, как говорила девушка Stasy.

– Успокойтесь! – Штраус равнодушно улыбнулся, не выявив признаков страха. Они нашли блестящего актера на роль чокнутого профессора! – Успокойтесь, еще раз проверьте ваши доллары, это лучший аргумент правдивости моих слов. Я принесу коньяку! – он подошел к старинному буфету, достал початую бутылку и рюмку. – Не могу составить компанию, высокое давление, а в последние дни прямо зашкаливает. Прошу!

Виктор взял бокал, понюхал содержимое. Обычный коньяк...

– Это – отличный коньяк! – кивнул профессор. – Из старых запасов. Глупо пытаться вас отравить. Пейте на здоровье! Я рассказывал чистейшую правду, но пытался донести ее простым языком, оттого вы засомневались. Если бы я нагрузил речь специальными терминами, вы бы скорее поверили. Особенность человеческого сознания, мы чаще доверяем туманным истинам, чем фактам! – он ловко наполнил рюмку пахучей жидкостью. – Пошупайте деньги, они настоящие!

– Уже проверял! – буркнул мужчина. Однако, на всякий случай, он не таясь, извлек из конверта еще одну стодолларовую купюру, провел ногтем по ребристой поверхности.

На серой бумаге цвели пестрые тоненькие червячки. Смешные бумажки, покоровившие мир легче, чем орды гуннов или инопланетные завоеватели!

– Деньги у ваших спонсоров настоящие, а вот история дурдомом пахнет! – пробормотал он, и опустошил рюмку. Живот согрела жаркая благодать, в голове зашумело, последний раз он ел сегодня за завтраком. Настя приготовила чудесный омлет. А после завтрака они весь день провели в кровати, занимались любовью, и смотрели всякую чушь по телевизору. А потом позвонил этот чудаки, сослался на Димку Рослова, и вот бывший капитан Чернышев два часа выслушивает сюжет фантастического триллера... чудеса!

– Все новое и необычное кажется странным, – кивнул Штраус. Он спокойно улыбался.

– Вы говорите, запись исчезла. Допустим! А какова судьба подопытных зверюшек?

– Результаты оказались неоднозначными... – осторожно сказал Михаил Семенович. – и потом вы меня не дослушали! Запись не канула в небытие, это я оговорился, прошу извинить. Она изменилась, понимаете?

– Не совсем.

– Первично, мы видели картину иного мира, отличного от земных пейзажей, причем достаточно отчетливо. Но уже через час на экране пестрели какие то цветные пятна, отдаленно напоминающие заросли цветов с алыми бутонами.

– Но вы ведь сделали запись?

– Это наша русская безалаберность, дружище! – улыбнулся Штраус. – Успели записать сравнительно небольшой фрагмент.

– Ну а что все-таки со зверюшками?

– Мы отправляли мышей в зону, и оставляли их там, на различные сроки. Большинство животных, где – то шестьдесят процентов особей вернулись... – он споткнулся на этом слове. – Вернулись в первоначальном состоянии, ничего не изменилось, состав крови, структура ДНК, одним словом это были обычные белые мышки, быть может, чуть более агрессивные, нежели раньше.

– Что значит «агрессивные»?

– Прочие грызуны их боялись. Животные обладают чутьем, которое не измерить приборами, согласны?

– Согласен. Агрессия, не так уж и плохо! – улыбнулся Виктор. Рюмка коньяка привела его в хорошее расположение духа, перспектива участия в опасном эксперименте, не выглядела пугающей. А какова судьба остальных мышей?

– По-разному, – сухо ответил Штраус. Он прямо взглянул в лицо собеседнику. – Несколько мышей погибли, двое исчезли... Там еще были кошки. Несколько обычных дворовых котов, девчонки лаборантки их подкармливали. Ни один из котов не вернулся назад.

– Как это понимать?!

– Именно так, как вы слышали. Зона – это площадка три метра в радиусе. Она фиксируется при помощи специального поля, в реальности это обычная колба, система выглядит как перевернутая капля воды, с отводами, сконструированная из термостойких материалов. Это и есть моя разработка. Через механизмы шлюзов мы помещали туда различные предметы, зонды, испытуемых животных. Система абсолютно герметична. Воздух нагнетается при помощи помпы. Все животные пробыли внутри от десяти секунд до трех минут.

Виктор молча протянул рюмку, профессор наполнил ее пахучей жидкостью.

– А коньяк у вас отличный!

– Вы не поверите, но покупалось еще при старом режиме. Я почти не пью, берег для особых случаев, вот он и представился... – Штраус помедлил, и добавил. – Испытание планируется провести завтра утром. Договор подписан, деньги вы взяли, но если передумаете, я вышвырну эту бумажку в помойное ведро. Вы – молодой, здоровый мужчина, у вас будут красивые дети. Не все можно купить за деньги...

Мужчина пожал руку профессора, кисть была потная, вялая, казалось он сжал пальцы смертельно больного человека.

– Спасибо Михаил Семенович! Я своих решений не меняю, – он осушил рюмку, и поднялся из – за стола. – Куда завтра следует прибыть?

– За вами заедут. В половине шестого утра.

– Понял. – Виктор направился в прихожую. – До свидания, профессор...

Штраус семенил за ним следом, предупредительно распахнул тяжелую входную дверь, из подъезда пахло ароматами кошачьей мочи, прелости, и промозглой сыростью оштукатуренных стен – обычные миазмы питерских подъездов.

– И еще, капитан... – лицо толстяка маячило в дверном проеме, как бледная маска призрака. – Я обязан вам сказать главное, хотя нарушаю секретность. В зоне находилась собака, обычная дворняжка, ничего особенного, но она пробыла почти шесть минут...

– Сдохла? – улыбнулся мужчина.

– Нет. Пес вернулась, но это была уже не прежняя ласковая собачка, мы к ней все привыкли, лаборантки носили ей из дома сладости. Спустя шесть минут, через шлюзовую камеру выскочило чудовище. Я не обладаю литературным даром, наши спонсоры запретили рассказывать об этом инциденте. Пса застрелили... – он комкал слова будто старую газету мнут в ладонях, отчего речь приобрела шипящие звуки, как у заезженной пластинки. – Одним словом, если вы нынешней ночью исчезните с деньгами, я не буду вас осуждать!

– Спасибо, Михаил Семенович! Я уже сказал, своих решений не меняю! – он пробежал несколько пролетов, выскочил на улицу, наверху раздался дверной хлопок, и только сейчас мужчина осознал, что его спина взмокла от пота, а кожа покрыта липкими, отвратительными мурашками...

– Я звонила тебе восемь раз! Пакостный мальчишка! Мышцы нарастил как у Кинг-Конга, а совести ни грамма!

– Прости, дитя Венеры! Был очень важный разговор.

– Дитя Венеры! Пошлость какая! К тому же ты повторяешься, я уже слышала подобный вздор сегодня днем.

– Скучная фантазия, что можно ждать от убогого спортсмена?!

– Этот убогий спортсмен общается с умнейшей девушкой на планете, мог бы хвататься понемногу!

– Не только самая умная, но и самая красивая... – Виктор прижался губами к мягкой ложбинке на девичьей шее, и втянул ее аромат. – Твоя кожа напоминает мне музыку Баха!

– Опять где – то подслушал! – Настя возбужденно рассмеялась, уперлась кулачками ему в грудь, в голубых глазах играли насмешливые чертенята. – Причем подслушал очередную пошлятину ужасную!

– Каюсь! – он наклонил большую голову. – Слышал в фильме с участием Бельмондо.

– Древность какая! Я думала, что поклонники такого синемаатографа давно умерли от старости!

– А я – вечный! Как Дункан Мак-Лауд... Это из фильма «Горец», – он провел ее ладонью себе по лицу, тронул губами безымянный пальчик, на нем красовалось тоненькое золотое колечко. Она, в свою очередь, погладила его кольцо. Символ вечности... Было сокрыто нечто мистическое в двух кусочках золота. Когда юрист папаша увидел кольца, его рожа покрылась красными пятнами, а Виктор ликовал.

– Очередное старье! – девушка пощекотала его за ухо, и впиалась острыми коготками в коротко стриженные волосы на голове. – Иногда мне хочется тебя съесть! – прошептала она хриплым голосом.

Высоко в небе с трескучим грохотом пролетел вертолет. Чернышев проводил его задумчивым взглядом.

– Ты летал на таком? – Настя пытливно смотрела ему в лицо. Ее невозможно было обмануть.

– Это – гражданский. А вообще летал... – он шутливо взъерошил ее волосы. – У меня есть для нас свадебный подарок!

– Интересно... – девушка отстранилась, чистый лоб прорезала глубокая морщина. С растрепанными русыми волосами она выглядела чертовски соблазнительно! Синие глаза сверлили его до самого дна. Она читает мысли не хуже детектора лжи! За спиной промчался катер, холодные капли упали на ее плечи, и замерли, прильнули к смуглой коже, крохотные прозрачные купола, в них как в линзах отражались каменные львы. «...В реальности – это обычная колба, как перевернутая капля воды...» – он глубоко вздохнул, и достал из кармана мятый конверт. – Вот!

Настя быстро взяла конверт, заглянула вовнутрь, голубые глаза покрылись стальной наледью.

– Где ты это взял, Витя?!

Дурной знак. Она называет его Витей, когда сердится или расстроена. Обычно – Вик. Невинная слабость, девушка любит называть людей на американский манер. Его это не раздражает, в телефонной книге номер забит под именем Stasy. Глупо конечно, но ему нравится потакать безобидным причудам любимой.

– Военная тайна! – отшутился мужчина, но Настя не отводила пытливого взгляда.

Над Невой опустились густые сумерки, пора белых ночей миновала, в августе рано темнеет. Пасти каменных львов угрожающе оскалились, невидящие глаза смотрели друг на друга. Мертвые звери словно приготовились к прыжку. Добрая собачка превратилась в чудовище, а бродячие коты исчезли. Вертолет умчал в сторону Исаакиевского собора, сделал круг над Медным всадником, и устремился к Петропавловской крепости. Пилот был скверный, машину болтало в воздухе как жирную оглушенную муху.

– Где ты взял деньги, Витя?! – медленно по слогам сказала девушка.

– Там ровно десять тысяч, – мужчина потянулся губами к ее рту, но она высвободилась из его объятий.

– Я повторяю. Где ты сумел достать такую сумму?!

– Деньги честные. Я их не украл, банк не грабил, старушек, по доброй питерской традиции топором не охаживал.

Настя не улыбнулась. Она пристально смотрела ему в глаза, он стушевался, и выпалил скороговоркой.

– Обычная работа для бывшего офицера! – он немного помялся, и нерешительно извлек из кармана копию договора. – Мне предложили участвовать в эксперименте. Ничего серьезного, просто нужен здоровый мужчина!

Настя прищурилась, повернула лист бумаги к свету, шевеля пухлыми губами, читала текст.

– Ерунда какая – то! – она зябко поежилась – ветер принес с залива вечернюю прохладу. – Здесь черт ногу сломит! Согласно седьмому пункту, вот здесь... ты можешь получить вознаграждение только после окончания эксперимента!

– Они... они пошли мне навстречу! Добрые люди иногда встречаются.

– Добрые люди... – недоверчиво протянула девушка. – А как понимать вот эту сноску, « в случае гибели или потери трудоспособности клиента, фирма снимает с себя ответствен-

ность перед последним...» Добрые люди таких оговорок в составлении договора не допускают. Это что означает?! И когда должен состояться этот чертов эксперимент? Здесь число не указано...

– Не скоро еще! – беззаботно солгал Виктор. – Они обещали позвонить через неделю. Может быть я передумаю за это время!

– Ты не передумаешь, – убежденно сказала Настя. – Вик, милый, ты не против, если я этот документ покажу отцу?

Она назвала его Вик! Гроза миновала. Старый хрыч будет искренне рад вышеозначенной «гибели клиента»!

– Пожалуйста! – он старательно прятал глаза. – Еще целая неделя впереди.

– Хорошо, – задумчиво произнесла девушка, и спрятала в листок в сумочку. – Ты вернешь им деньги, пока не принял окончательное решение?

– Нет, – твердо махнул головой мужчина. – Эту сумму ты завтра отдашь кредиторам, пообещай мне, а за неделю, я наверняка, что-нибудь придумаю.

– Ты ничего не придумаешь, милый, наивный богатырь Вик! – она нежно улыбнулась, свозь туманную пелену закипающих слез. – Ты будешь принимать участие в этом эксперименте, я тебя знаю слишком хорошо... быть может даже лучше, чем ты сам себя знаешь... но я тебя люблю, я обещаю отдать деньги. Но завтра, я обязательно покажу эту дурацкую бумажку отцу. Он по своим каналам узнает про загадочную фирму, у которой нет даже собственного логотипа. И пожалуйста, обещай, что пока я все как следует не разведу, ты никаких действий предпринимать не будешь. Согласен?

– Слушаюсь! – он шутливо отдал честь левой рукой. «Согласен...» Любимое словечко чудаковатого профессора...

Настя оплела руками его плечи, прижалась губами к щеке, и из – под темнеющего небосклона, опустила долгожданная вечность. На небе медленно зажигались звезды, черная грива Невы горела серебряным глянцем, в нем бесстыдно полоскались рыжие блики фонарей. Северный город окутала призрачная ночь. А в пятидесяти километрах к северо-западу, под прозрачным куполом яростно билось схваченное в полон невидимое чудовище. Оно изрыгало всполохи неземной магмы, лиловая материя источала бесцветные нити звенящих струн, загадочное небытие стонало, рвалось на волю, стреноженное оковами невидимой гравитацией. И высоко в небе выплыла огромная рыжая луна, такая простая, домашняя, словно золоченое блюдо, неторопливо ползла по гладкому небосклону, пустая, мертвая, глупая планета...

06.30 По полуночи

На шершавых тополиных листьях выступила роса, казалось, деревья плачут от боли. Белесые хлопья тумана стекали в овражек, свернулись в голубой клубок, как семья добрых толстых змей. Острые солнечные лучи срезали верхушки стройных берез, робко запели птицы, черная вода в заросшем тиной пруду покрылась рябью, по лесу промчался слабый ветерок.

Посреди вырубki возвышалось уродливое сооружение. Сплетенный из металлических конструкций, похожий на огромного жука скарабея, гигантский каркас фиксировал большую, в два человеческих роста колбу. К колбе вели многочисленные провода, раструбы, сама она висела в полуметре от земли, возле стального поддона были прикреплены округлые ворота, к ним примыкал длинный коридор, выполненный из серебристого огнеупорного материала. Коридор вел к выстроенному наспех зданию. Сквозь застекленные проемы виднелись контуры могучих машин. Блестящее никелем и сталью оборудование моргало сенсорными лампочками, принтеры извергали рулоны бумаг, на плоских экранах мониторов мелькали столбики цифр и латинских букв. Для непосвященного дилетанта действие напоминало обряд средневековых алхимиков. Только снаряженных новейшими технологиями. По коридору сновали озабоченные люди в белых халатах. Конструкция издавала едва слышное гудение, наподобие гула генератора, время от времени, по стенам колбы пробегала дрожь. Поляну окружали два ряда колючей проволоки, в воздухе завис маленький черный вертолет, как грозная оса он срывался с места, и бдительно облетал окрестность. Повсюду стояли военные машины, уже за пять километров организованы военные посты. Черный джип стремительно промчался, минуя часовых, переваливаясь на ухабах, пересек бездорожье, и уверенно подкатил к заграждению. На заднем сиденье, рядом с Виктором сидели люди в штатском. Они хранили суровое молчание, двое крепких мужчин в одинаковых костюмах, похожие друг на друга как близнецы. Мужчины напоминали героев американских боевиков, и несмотря на серьезность ситуации, Чернышев не смог сдержать ироничную улыбку. После его демобилизации многое поменялось в стране, но отставных вояк и по прическе видно! Водитель припарковался возле ворот из колючей проволоки, один из братьев выскочил наружу, и распахнул дверь.

– Вы служивые, точно президента доставили! – ухмыльнулся Виктор. Он не испытывал страха, наоборот – появился жаркий азарт, обычно предшествующий бойцовской схватке. Мужчина выскочил из джипа, подмигнул невозмутимому сопровождающему, и шагнул за территорию оцепления. Тотчас, на пороге здания объявился профессор Штраус.

– Я знал, что вы придете, но не уверен, хорошо это или плохо... – он вцепился двумя руками в кисть капитана, и энергично ее встряхнул.

– А что не так! – Чернышев с любопытством озирался по сторонам.

– Система... мы называем ее «Жук».

– Похоже...

– Это аббревиатура, сокращение, ну да Бог с ним... Она словно взбесилась, понимаете?

– Вы плохо выглядите, Михаил Семенович!

У профессора чернели под глазами круги, кожа лица была серая, будто мягкая подушка, пальцы рук дрожали.

– Не сомкнул глаз прошлой ночью. Давление высокое, и сердце пошаливает, теперь еще и аритмия, будь она проклята. Но да Бог с ним! Как вы себя чувствуете?

– Нормально. Я вам даже благодарен. Ощутил себя как будто в строю. После нескольких лет вынужденного безделья, наслаждаюсь жизнью. Вас не наказали за нарушение договора?

По лицу толстяка пробежала тень. Он гневно отмахнулся, будто пытался поймать несуществующую муху.

– Что они могут мне сделать?! Циничные люди без сердца и совести. Я работал над этим проектом восемь лет, ну да вы сами все знаете! – он взял мужчину под руку. – Прошу за мной! У нас не так много времени, вас ждут врачи, ну и формальности всяческие...

Они зашли в здание. У входа стоял часовой, по виду молоденький солдат-срочник. На Чернышева он взирал, как на супермена из компьютерной игры.

– Закрой рот, военный! – усмехнулся Виктор. Профессор семенил по коридору, из дверей высовывались люди в белых халатах, они провожали любопытными взглядами высокую фигуру капитана, перебрасывались короткими фразами. Здание гудело как улей. Доносились обрывки разговоров, звонили телефоны, жужжали факсы. Под руку профессору ввинтилась стройная брюнетка в обтягивающей ее соблазнительные бедра юбке.

– Михаил Семенович! Последние тесты показывают сбой гравитации в пределах верхней погрешности! – она отчаянно косила бойким глазом в сторону Виктора.

– Знаю! Что я могу с этим поделать?! – Штраус закричал тонким голосом. – Стабилизируйте гравитацию, ну как дети малые, ей Богу! Подключите целевой генератор, будто не знаете?!

– Уже подключили!

– Тогда какого дьявола не шевелитесь?! – Профессор схватился за грудь, и не глядя проглотил маленькую таблетку.

Девушка шмыгнула в распахнутую дверь, и там возбужденно сплетничала с полной блондинкой, которая словно только – что явилась с конкурса двойников Мерлин Монро.

– Вы – герой дня! – профессор грустно обернулся к мужчине. – Странные ощущения. Вот сейчас сбывается давняя мечта, а у меня болит сердце... – он помассировал грудную клетку.

– Вам надо отдохнуть, Михаил Семенович!

– Надо... – тихо, как эхо прошептал профессор. – Но только после того, как вы вернетесь назад целым и невредимым. Прошу! – они вошли просторное помещение, в углу стояла громоздкая система, со свисающими из жерла проводами и клеммами. За столиком хлопотала худощавая рыжая девушка. Завидя Чернышева она густо покраснела, и молча указала пальцем на стул. В комнату стремительным шагом зашла высокая женщина. Накрахмаленный голубой халат сидел на ее плечах как на вешалке, узкое худощавое лицо обнимали старомодные очки. Объемные линзы увеличивали глаза, отчего женщина напоминала пожилую фею из сказки.

– Наш врач! – прошептал Штраус. В его голосе прозвучали оттенки благоговейного страха.

– Евтушенко! – рукопожатие было сухим и крепким, как у мужчины. – Должна буду попросить вас раздеться...

– Если это доставит дамам удовольствие!

Рыжая девушка прыснула в кулачок, но поймав строгий взгляд врача смутилась, и отвернулась к прибору.

Виктор стянул через голову футболку, присел на холодную скамью, снял джинсы.

– Не буду вам мешать... – засуетился профессор. Он быстро вышел из комнаты, притворив за собой дверь.

Врач проводила мужчину к системе, где он улегся на гладкую скамью. Девушка прижимала присоски к разным частям его обнаженного тела, ее пальцы дрожали, белые скулы покрылись слоем румянца под легкомысленными веснушками.

– У вас удивительно хорошо развита мускулатура! – равнодушно заметила доктор. Она склонилась над пультом, тихо зажужжали приборы.

– Вы бы лучше сердце профессора вылечили! – улыбнулся Чернышев.

– Научите, как его заставить следить за собой... – буркнула врач, – и помолчите пару минут, пожалуйста!

Виктор подмигнул рыжей девушке, та ступевалась еще больше, склонилась над клавиатурой компьютера, пальцы порхали по кнопкам. Мирно урчали моторчики, на экранах вспыхивали разноцветные зарницы, из жерла принтера медленно явила миру белую голову длинная бумажная змея.

– Готово! – Девушка кинулась отклеивать присоски, доктор поднялась из – за стола, достала нечто похожее на механический шприц. – Поднимите, пожалуйста, руку!

Мужчина завел кисть за голову, врач прижала дуло ему к подмышке, острая боль на мгновение пронзила кожу.

– Что за черт! – он недоуменно растирал желвак в подмышечной впадине.

– Это для вашей пользы! Михаил Семенович все объяснит.

Виктор потянулся к своей одежде, но девушка уже протягивала ему мешковатый голубой халат.

– Велено одеть вот это... – прошептала она слабым голосом. Мужчина пожал плечами, и накинул на плечи халат. В помещение вошел Штраус. Он по-прежнему прижимал руку к груди, болезненно морщился, бледное лицо покрывали нездоровые пятна багрового румянца.

– Ну как наш герой?

– Здоровье безукоризненное! – бесстрастно отрапортовала Евтушенко. – Если не считать множественных переломов, контузий и шрамов – идеальная физическая форма!

– И если не считать загадочного укола! – мрачно пошутил Чернышев. Доктор многозначительно переглянулась с профессором.

– Остается несколько минут до начала эксперимента, а вас, Михаил Семенович, давно ждут в центральном отсеке, – кивнула Евтушенко, и вышла в коридор. Рыжая девушка поспешила за ней следом, в руках она крепко сжимала верный журнал. Виктор потерял желвак. Боль прошла, под кожей явственно можно было нащупать твердый шарик.

– Что это за чудеса науки и техники?! – он раздраженно помял шарик. – На моей памяти насчет членовредительства уговора не было!

– Присядем на дорогу... – Штраус опустил в кресло. – По моей просьбе вам ввели капсулу с ядом. Капсула абсолютно безвредна, полностью герметична. Даже если вы ее случайно раздавите, кровь нейтрализует действие препарата. Хитрое изобретение. Вступает в реакцию исключительно с человеческой слюной. Шпионское изобретение... Однако, если возникнет непредвиденная ситуация, вы легко извлечете капсулу с помощью ножа. Требуется раздавить ее зубами, и желудочный сок растворит яд в течение получаса.

– Зачем вы мне имплантировали эту заразу?

– Если хотите – интуиция, другими словами, на всякий пожарный случай. По возвращении доктор извлечет ампулу, даже следа на коже не останется.

– Я задал вам вопрос, профессор!

Штраус мученически завел карие глаза к потолку.

– В зоне вы пробудете не более пяти минут. Точнее – четыре минуты, сорок восемь секунд. Компьютер рассчитал оптимально безопасное время, для пребывания. Но – это наше время, и неизвестно, как оно будет меняться там, внутри «Жука». Возможно, для вас пройдут годы, а быть может наоборот. Помните, я вам рассказывал про видеозапись, сделанную зондом? Мне трудно объяснить, там было нечто непостижимо страшное... одним словом, я не исключаю, что у вас не останется иного выхода. И да хранит вас Господь! – профессор быстро поднялся, еще раз энергично встряхнул мужчине руку, и вышел из комнаты.

Виктор аккуратно помял крохотный шишак подмышкой. Размером не больше голубиного яйца, упруго – твердая на ощупь капсула. Там, внутри зреет медленная смерть. Профессор не так прост, как кажется! Чернышев слышал про такие вещества, чьи генерики являются смертельно опасными лишь при взаимодействии со специальным компонентом. Слюна, потовые железы, даже заушные сопля из носа... Говорят, такая дрянь стоит уйму денег! Откуда взял капсулу мирный профессор в коротких как у Карлсона штанишках, одному аллаху ведомо! Мужчина провел ладонью по упрямому ежик кротко стриженных волос. Ладно! Время покажет! В коридоре послышался шум шагов, дверь по-хозяйски распахнулась, и помещение наполнилось людьми в штатском. Они были деятельны, суровы, и профессиональны. Дальнейшие события разворачивались в торжественном молчании. Чьи – то руки протягивали бланки договоров, Чернышев не глядя ставил кривую закорючку. Быстрые пальцы приклеили к шее и кистям рук липкие присоски, кожа покрылась мурашками от прикосновения, хотя в помещении было жарко. Почему то на ум пришла старая документальная запись казни на электрическом стуле. Обритого наголо негра обступили вежливые равнодушные мужчины в костюмах, их казенные лица излучали формальное сочувствие. Приговоренный человек послушно скушал бобы с печеным картофелем, и увлекаемый этими людьми – роботами шел по длинному коридору. Навстречу смерти. И выражение его лица не соответствовало масштабу предстоящего события. Оно было сонным, растерянным, будто несчастный двигался не на эшафот, а в кабинет дантиста. Впервые, за нынешнее утро Виктору стало немного страшно, но как только он зашагал по рифленому полу, страх исчез. Его место занял горячечный азарт, и дурная лихость, обычно предшествующая драке.

...С него сняли голубой халат, провели по узкому коридору, следом распахивались и закрывались двери – шлюзы. Из бокового отсека вынырнула брюнетка, она смотрела на него с тем же выражением на миловидном лице, что у казненного негра. Сонное, равнодушное, растерянное лицо красивой куклы. Старый документальный фильм семидесятых годов. Что стало с тем человеком, после того, как через него пропустили несколько десятков тысяч вольт?! Испытывал он страдания в последнее мгновение жизни, когда пораженный токком миокард сжался в мучительном спазме, или тотчас погрузился в черное безмолвие? Какое он совершил преступление, и какие испытывал чувства за несколько томительных минут, пока шел по длинному коридору? А что чувствует он, капитан Чернышев, голый, облепленный дурацкими клеммами, как персонаж из американского боевика. Страх, злобу, надежду... конечно, надежду... Брюнетку уверенно оттеснили, дверь в отсек захлопнулась. Последний живой персонаж исчез из трагикомедии. И только сейчас Виктор осознал, что действие происходит в реальности. Сколько мышей погибло?! Сорок процентов, две исчезли... Куда исчезли кошки?! Да! И еще была собачка, обратившаяся в чудовище... Что сохранилось на видео?! Чужой мир. Страшный и прекрасный одновременно. Как в фильме «Аватар». Синие люди, летающие драконы, сиреневые динозавры, или изрыгающее черное пламя, жерла вулканов?!

Распахнулась очередная дверь, мужчина вдруг понял, что остался один, в тесном герметичном помещении. Над головой тускло горела синяя лампа, стены были гладкими, похожие наощупь на легированную сталь. Тихо зашипел воздух, нагнетаемый помпой, заложило уши, Виктор догадался, что «Жук» выравнивает давление. Только сейчас он вспомнил, что так и не спросил, что означает эта аббревиатура. Смешное слово «Жук»...

– Капитан, капитан, подтянитесь! – пропел мужчина осипшим голосом.

Сквозь полумрак, он почему – то увидел голубые как небо глаза смешной русской девушки с нелепым именем Stasy, и в то же мгновение дверь в зону распахнулась.

Зона. Часть 1

Человек открыл глаза. Со всех сторон царила сплошная чернота. Сверху, снизу, сбоку, чернота обволакивала, баюкала, ее бархатные ладони властно, по хозяйски обнимали человека. Несколько минут он лежал неподвижно, чувствуя неприятный зуд во всем теле. Прошло еще немного времени. Зуд усилился, каждую молекулу кожи будто пронизывали крохотные иголки. Он провел пальцами по груди, и наткнулся на горячую липкую слизь. Он попытался встать на ноги, но клейкая масса накрепко спеленала мышцы. Слизь впивалась в кожу, она вела себя как живое существо, скользила по обнаженным бедрам, нырнула в ложбинку на животе, уверенно накрыла торс. Мужчина набрал полную грудь воздуха и закричал, слизь быстро потекла по ключицам к открытому рту. Крик захлебнулся. В поры кожи вонзались крохотные невидимые челюсти, они жадно вгрызались в капилляры, терзали мясо, захлебываясь от жадности, глотали терпкую кровь. Мозг слал отчаянные сигналы.

«Вставай! Беги! Стряхни с себя эту мерзость! Ты – сильный...»

Мужчина собрал всю волю в кулак, сконцентрировался на своих мускулах.

«Вспомни, как тебя учили!» – зывал мозг. – «Сначала напрячь ноги – там самая мощная группа мышц. У хорошего атлета пятьдесят процентов мускульной массы сосредоточена в ногах и ягодицах. Главное – перевернуться на живот, лежа на спине ты – уязвим».

С невероятным усилием он подтянул локти к груди, слизь впилась в плечо жадным ртом, казалось, с него живьем снимают кожу. Получилось! Человек поджал колени к прессу, и на мгновение застыл в позе эмбриона. Отлично!

«Теперь тебе предстоит самое трудное!» – мозг распорядился помимо воли своего хозяина. – «Напряги бедра, и перевернись на живот».

Мужчина сгруппировался как перед кувырком, и в следующее мгновение стоял на четвереньках, опираясь на колени и локти.

«Как дешевая шлюха!» – промелькнула неуместная мысль. Промелькнула и исчезла. Слизь образно говоря, яростно взревела, хотя повсюду царил мрак, и непроницаемая тишина. Жадными щупальцами она впилась в спину и живот жертвы.

«Ноги!!!» – отчаянно кричал мозг. – «Напрягай ноги!»

Человек медленно оторвал локти от земли, и с невероятным трудом, словно на плечах была штанга весом в пятьсот кило, поднялся на ноги. Нормально... На соревнованиях по пауэрлифтингу, хороший «лифтер» тяжело вес выжимает ногами до полу тонны! Слизь цеплялась за кожу, она впивалась в эпителий едкими присосками, но мужчина рвал лохмотья отвратительной липкой гадости, сбрасывал ее на землю, она тотчас съезживалась, как рулон горящий бумаги, теряя влагу, и рассыпалась на сухое крошево. Он содрал остатки плаценты с лица, шагнул вперед, и в глаза ударил яркий солнечный свет...

Некоторое время властвовало ничто. Серое пустое безвременье. Ничто не напоминало потерю сознания при нокауте. Даже на дне глубинной черноты, в которое погружается сознание, сохраняются крохотные частицы души. Осколки личности. Ничто вбирает в себя личность целиком. Оно властное и беспощадное как чистилище. Оно не оставляет крупницы жизни. В нем нет света, нет мглы, оно лишено времени и пространства. Абсолютное небытие. Ничто.

Затем возник крохотный лучик света, который робко разорвал бездонную серую взвесь пустой материи, и появилось солнце. И тогда лицо человека обожгли яркие лучи. Он громко выдохнул, изо рта вырвался тягучий стон, и открыл глаза.

Огромный белый диск висел высоко в небе. Небосклон был чистым, вплоть до горизонта не единого облачка, лишь над черными верхушками гладких гор, клубился синий туман. Человек поднялся на ноги, и чуть не упал навзничь, его шатало как пьяного. Голубые

низкорослые деревья протягивали ветви к небу, на пушистых листьях набухла розовая пена. Человек ощутил сильную жажду, скорее повинувшись властному инстинкту, он тронул кончиками пальцев пенящуюся жидкость, листва вздрогнула, как робкое животное, отпрянула и оросила пальцы свежей влагой. Мужчина поднес руку к губам и облизал пальцы. Вкус был потрясающим! Ничего подобного он не пробовал в своей жизни. Нечто отдаленно напоминающее смесь плодов киви, арбуза и березового сока. Впрочем, нет! Сравнение казалось оскорбительным для экзотического аромата сладкой розовой жидкости. Божественная амброзия! В животе требовательно заурчало. Пренебрегая осторожностью, человек прильнул губами к листве, и рот наполнился прохладной пеной. Язык покалывали острые иголки, словно испарялись невидимые газы. В голове зашумело, розовая жидкость вероятно, содержала алкалоиды. Вместе с легким опьянением пришло четкое осознание реальности, идентификации личности. Он – Виктор Чернышев, русский, бывший офицер, и а нынче безработный искатель приключений на свой накаченный зад. Рост сто восемьдесят семь сантиметров, вес девяносто шесть килограммов, мастер спорта по боксу, кандидат в мастера по боевому самбо и дзюдо, прошу любить и жаловать! А нынче, он принимает участие в некоем загадочном эксперименте. Накануне вечером он встречался с симпатичным толстяком профессором, однофамильцем известного австрийского композитора, тот вручил ему конверт с десятью тысячами долларов. Штраус. Профессора звали Михаил Семенович, накануне эксперимента он постоянно растирал грудную клетку, и морщился. У смешного гения было большое, щедрое сердце. Мужчина ощутил плотный желвак подмышкой. «Желудочный сок растворит ампулу за тридцать минут, перед этим ее следует раскусить. Возможно, у вас не будет иного выхода...» Все именно так. Деньги нужны были Насте, голубоглазое чудо... Она любила запускать тонкие пальцы в его волосы. «Иногда мне хочется тебя съесть...»

Виктор с трудом оторвал губы от сладкой листвы. Желудок отяжелел, его неумолимо клонило в сон. Он ощущал свои обнаженные плечи. Следы клейкой плаценты, обвисали сухими лохмотьями, как прелая, выгоревшая на солнце листва. Он с отвращением стряхнул с груди шуршащие ошметки, они медленно опустились на землю, как сигаретный пепел, и рассыпались в невесомое крошево, растворились в жарком воздухе. Спустя несколько секунд от жирной слизи не осталось следа. В воздухе плыл едва ощутимый запах гари. Чернышев дернул резиновые присоски на запястьях, и те отпали со смешным хлопом, упали в траву, и растаяли, едва коснувшись мягких стеблей.

«Две мышки исчезли...»

«Что значит – исчезли?!»

«На их месте была пустота...»

Виктор зевнул так, что едва не вывихнул челюсть. Помимо воли он опустился на землю, трава бережно укутала нагое тело мягким ковром. Деревья монотонно урчали, словно компания сытых домашних котов. Мысли текли медленно, вязко, тело налилось сладкой истомой. Прежде чем погрузиться в глубокое забытие, Чернышев собрал в кулак остатки воли, и прижал пальцы к желваку подмышкой. Быть может, он уже принял пилюлю профессора Штрауса? Пытаясь избавиться от чудовищной боли, когда горячая слизь заживо поедала плоть?! И сладкий дурман – действие яда. Пальцы нащупали твердый желвак под кожей, рука бессильно упала на землю. Деревья пели восхитительную музыку, мужчина закрыл глаза, и погрузился в волшебную страну диковинных химер, грез и иллюзий...

– Он – огромный!

– У него белое лицо, словно у леших, но шерсть на голове, как у Единорога.

– Единорог тоже голый, так говорят люди. Хотя это может стать ошибкой. Никто не видел Единорога в сознании. У чужака шерсть на голове, такая же как у леших на спине! Это говорю я – Рак.

– Рак глуп. Он видит только то, что движется! Молва идет про Единорога, что у него на голове шерсть.

– Сом глуп. Рак умеет видеть, когда вы все засыпаете при встрече опасностями. И Рак никогда не видел Единорога, никто его не видел, а только слышал рев...

– Смелость – глупое качество! Смерть наяву ужасна, Рак глупец, если он готов встретить страдания в сознании.

– Рак не слушает Олу. Ола жалеет уродов. Ола даже пожалела лешего, однажды...

– Леший был маленький, он никому еще не причинил вреда. Солнце жгло его кожу, он смеялся так, что деревья плакали.

– Деревья часто плачут, что из того?!

– Люди, слушайте Сому! Сом видел многое, он старше остальных. Сом понял причину. Незнакомец выпил много сока голубого дерева, и заснул. И не следует помянуть имя Единорога все!

– Он глупый... – растерянно протянул Ола. – Даже детям известно, что сок голубого дерева можно кушать только на рассвете.

– А когда он проснется? – бесцеремонно встрял Рак – Ола хочет себе такого мужа?

Люди сдержанно захлопали в ладоши, оценив шутку Рака. Голос девушки дрогнул.

– Рак глуп! Он на голову выше, чем Кар втрое шире любого из нас!

– Зато, поглядите люди, какой у незнакомца большой перст! – заявил Рак.

Люди еще громче хлопали в ладоши.

– Рак глуп, и Сом глуп, и Низа тоже глупая. Вы все – глупцы! Как может нравиться девушке перст такого размера. С ним можно будет спариваться только во сне, чтобы избежать боли.

– Спариваться во сне глупо. Это говорю я – Низа. Я спаривалась множество раз с разными мужчинами, и Ола еще ни разу. Ола даже не знает, насколько это приятно!

Люди вновь аплодировали.

– Низа умная! – уверенно сказал Сом. – Сом спаривался с Низой. Было приятно, и никто не собирался спать.

– Чужак просыпается! – тоненьким голосом закричала Ола.

– Может быть, заснуть, на всякий случай? – задумчиво спросил Сом.

– Сом глупый... Незнакомец не внушает опасности. Он не похож на леших, хотя они тоже высокие, но худые, как стволы погибших деревьев. Он не похож на вспылчивого вепря, и на слепых кошек тоже не похож. А насчет Единорога, я согласен с Сомом. Не следует лишний раз помянуть все его имя. Незнакомец хорошо пахнет, он может оказаться полезен.

Люди одобрительно захлопали в ладоши.

– А Кар оказывается не только длинный, но и умный! – заметила Низа. – Низа хочет спариться с Каром.

Она взяла его за руку, и повела в сторону густых зарослей высокой травы. Рак раздраженно хлопнул себя по гладкому бедру.

– Успеет Низа. Стой! Он просыпается...

Люди испуганно попятились. Все, кроме Олы прижались к стволам деревьев, несколько человек, с тихими стонами попадали на землю. Сом неуверенно топтался на месте.

– Ола глупая... – он покачал блестящей головой, и шагнул назад. Девушка опустилась на корточки, и подалась вперед всем телом. Маленькие золотые груди напряглись, она шумно втянула носом воздух.

– Незнакомец хорошо пахнет! – тихо прошептала девушка. – Оле приятно... – она вытянула губы в трубочку, прижала их к уху спящего человека, и тихо запела.

– Ола глупая! – согласился Рак. – Ола поет для чужака.

Виктор открыл глаза. В нескольких сантиметрах от него маячило круглое лицо. Гладкий череп цвета червонного золота, тонкий прямой нос, пухлые алые губы, и огромные, в пол – лица голубые глаза, обрамленные черными, густыми, загибающимися ресницами. Девушка моргнула, ресницы порхнули вниз и вверх, как крылья колибри, она улыбнулась, обнажив ряд мелких белых зубов, подернутых слюдянистой влагой.

– Я – Ола! – тихо и торжественно произнесла она.

– Привет... – брякнул мужчина первое, что пришло в голову. Он быстро поднялся на ноги, голова запылала жаром, боль пульсировала в висках, его чуть не вытошнило.

– Ты пил сок голубого дерева? – еще шире улыбнулась девушка. На высоких скулах обозначились глубокие ямочки. Она едва доставала мужчине до плеча, а потому смотрела на него снизу вверх, как добросовестная ученица на строгого педагога.

– Черт его знает?! Вроде да... – он ошалело крутил раскалывающейся головой по сторонам. Люди осторожно выглядывали из – за стволов деревьев. Стройные, миниатюрные, пропорционально сложенные, обнаженные золотые торсы горели на солнце, как начищенная медь, идеально ровным черепам мог бы позавидовать сам Брюс Уиллис. На них не было никакой одежды, на первый взгляд они походили друг на друга как дюжина однояйцевых близнецов. Хотя мужские особи несомненно отличались от женских. Люди напоминали совершенную пародию на обычных земных граждан, только тоньше, изящнее и красивее.

– Чужак глупый. Всем известно, что сок голубого дерева можно пить только на рассвете! – Ола захлопала в ладоши, ее поддержали остальные золотые малыши. Некоторые поднимались с земли, словно очнувшись от глубокого сна, подходили к незнакомцу, без стеснения его разглядывали.

– Какой большой перст любви! – Низа бесцеремонно ткнула пальчиком в пах мужчине. – Быть может, Низе спариться с чужаком? – она грациозно изогнулась, давая возможность незнакомцу внимательно оглядеть ее торчащие грудки, и лощенные золотые ягодички.

– Низа глупая! – Ола встала между соперницей и мужчиной. – Чужак пил сок голубого дерева, он больной...

– Пусть Ола лечит чужака, Низа потом с ним спариться! – решила распутная девица, потеряв интерес к пришельцу, взяла за руку Кара, и удалилась с ним прочь. Она отчаянно виляла изящными бедрами, и к своему удивлению, Виктор ощутил сильное влечение.

«Вот тебе раз! Стоило попасть к инопланетянам, первым делом нажрался как свинья, и едва не трахнул туземку! Первый контакт с внеземным разумом по-русски, называется! Черт возьми! Но откуда я понимаю их речь?! Я даже английский знаю с грехом пополам...»

– Надо тебя вылечить! – решительно сказала Ола. – Садись.

Мужчина послушно опустился на землю. Голова гудела, как растревоженные пчелиный улей, любое движение вызывало приступ выматывающей тошноты, он стиснул зубы, с трудом подавив позыв рвоты. Такого лютого похмелья ему не приходилось испытывать в жизни! Будто бабкиного скипидара напился, в глотке наждаком скребет! Девушка положила ладони ему на глаза, они были сухими, теплыми и горячими. Она прижалась грудью к лицу человека, и тихо замурлыкала на ухо чудную мелодию. От ее тела исходил прелестный запах цветущих роз, кожа источала нежную влагу, Чернышев вдруг ощутил, как боль уходит, и естество наполняется свежестью и силой. Ола запела громче. И вместе с диковинной мелодией в него вливался покой и безмятежная радость, которой он не знал ранее. Нечто в этой песне было знакомо, как безмолвная генетическая память предков, истинные знания, дающиеся людям от природы. Словно давно забытый звук церковных колоколов из детства, и ласковый аромат елея и мирры облекают душу, как неземная гармония небесной музыки.

– Ола хорошо поет! – одобрительно заметил Сом.

Девушка замолчала. Она отошла в сторону, и с улыбкой наблюдала за незнакомцем.

– Хорошо?

– Очень хорошо! – Виктор покрутил головой, и радостно рассмеялся.

– Но как я понимаю вашу речь?!

– Какую речь? – нахмурилась Ола.

– Ну, ваш язык... то, как вы разговариваете! – он растерялся и замолчал. Золотые люди удивленно разглядывали чужака. Как он сможет им объяснить, откуда прибыл?! Он и сам толком не может этого понять! Это ведь не космический полет! Он всего лишь шагнул в загадочную зону, которую восемь лет кряду ловил по всему белому свету гениальный чудак Штраус. Черт возьми! Сколько времени он уже здесь находится? Часа три, четыре... или больше?! Он долгое время проспал... Виктор внимательно посмотрел на солнце. Оно висело на том же месте, когда он выбрался из объятий кровожадной слизи. Собака пробыла в зоне шесть минут, и вернулась в образе дьявольского монстра. Он здесь уже как минимум полдня! Ты крепко влип, капитан! Люди настороженно смотрели на пришельца, одна женщина, на всякий случай упала в обморок.

– Тебе еще плохо? Ола может продолжить песню... – девушка растерянно хлопала пушистыми ресницами.

– Спасибо, Ола! Все хорошо. Я глупый! – обратился он к золотым людям. Они тотчас облегченно заулыбались, и хлопали в ладоши.

«Они боятся трудностей. Дети цветов, спариваются в кустах, будто наши хиппи!»

– Чужак неплохо пошутил! – одобрительно кивнул Сом.

– Мы даже не знаем, как его зовут... – сунулся Рак.

– Капитан Чернышев! – он смутился. Проклятье! Ведь это первый контакт в истории человечества! А он представился, как на военном параде... а что он еще должен был им сказать?! Вик, Витька или Черныш, как его звали в школе?!

– Это долго и сложно... Чершыноф! Чермышов... – неуверенно покачал головой Сом. – Кап!

– Точно! Хорошее имя – Кап! – захлопала в ладоши Ола. Она подбежала к мужчине, и прижалась к нему всем телом. – Ты ведь теперь останешься с нами, Кап?!

– Ты нас понимаешь потому, что Ола спела тебе! – авторитетно объяснил Сом. – Изрекла всего пару нот, когда ты был во сне, Кап...

Чернышев мучительно прикрыл глаза. О Господи! Откуда у него к этой карлице такое вождение? Он голый, и все сейчас увидят...

– Конечно, конечно Ола! – он осторожно высвободился из ее объятий. Когда же наконец, Штраус вернет его назад?! И как вообще это делается? Мышей запросто извлекли из зоны через пару минут? Он даже не удосужился спросить, насколько был увлечен ролью героя. Там у них что – то сломалось, нарушилась гравитация, или какая другая хреновина?! Он вспомнил вертлявую брюнетку, оживленно сплетничающую с клоном Мерлин Монро. «Сбой гравитации в пределах верхней погрешности...» Отличная память, господин капитан! Теперь он Кап?! Тоже неплохо... а если действительно машина сломалась? Чернышев сглотнул сухой ком. Несмотря на подробные рассказы Штрауса, он был уверен, что с ним ничего случиться не может. Именно так. Всю жизнь искренне верил в собственное бессмертие. В Чечне, в Анголе в Ливии... товарищи удивлялись его смелости, а он попросту говоря, не допускал мысли о том, что может погибнуть! И эта вера в собственное бессмертие хранила его надежней самой тугоплавкой брони!

Из зарослей травы выбежал запыхавшийся Кар, за ним семенила красотка Низа.

– Кошки! – кричал он. – Там слепые кошки!!! – Кар протягивал руку в сторону нагромождения серых валунов. На расстоянии камни выглядели, как кучка высохшего помета,

на фоне изумрудной листвы и бирюзовых деревьев. Вначале Виктор ничего не разглядел, лишь трепетали макушки деревьев, и издаваемый ими стон становился громче и тревожнее.

– Деревья учуяли слепых кошек! – выпалила Низа, и упала на землю, как подкошенная.

– Надо бежать... – тихо прошептала Ола. – От слепых кошек не спрятаться, они услышат, они разыщут! Бедная Ола, бедная... – ее ресницы дрогнули, золотая кожа покрылась гнилостным бурым налетом, девушка вцепилась слабеющими руками в плечо мужчины. Сом кинулся под сень деревьев, Рак побежал за ним следом. Некоторые люди разбежались в разные стороны, другие падали без чувств на землю. Из зарослей травы раздался утробный низкий рев. Деревья закричали как испуганные дети, и покрыли стволы пушистой листвой. Маленький золотой человечек наугад мчался прямо на этот рев, остановился, хотел было рухнуть без сознания, как остальные люди, но не успел. Из кустов, со свирепым рыком выпрыгнуло чудовище размером с немецкую овчарку. Оно было голым, отдаленно походило на кошку породы сфинкс. Большие торчащие в стороны уши пронизаны сетью тонких вен, худые кривые ноги, и короткий обрубок хвоста. Раскосые глаза хищника затянуты белесой пеленой, отчего монстр походил на зомби из фильма ужасов. Во рту торчат короткие острые зубы, по скошенной акульей морде стекает коричневая слюна. Кот на мгновение остановился, уши напряглись как локаторы, в розовой, как младенческие ладошки раковине, дрожали тонкие седые волоски. Золотой человек в ужасе закрыл ладонями лицо, кот безошибочно развернулся, прыгнул, сбил несчастного с ног, и вонзил острые зубы в тонкую шею.

– Бедная Ола, бедная, слепые кошки не пощадят, и сон не поможет... Ола погибнет! – девушка дрожала всем телом, прижавшись к мужчине. Виктор не успел осознать, как знакомая с юности кровавая пелена бешенства окутала разум. Остатки здравого смысла пытались увещевать человека, что он не имеет права вмешиваться, по воле безумного профессора оказавшись в этом диковинном мире. Мозг взывал к благоразумию. Сотни, тысячи чужих миров оказались сконцентрированы в микроскопической точке Вселенной, именуемой городом Сестрорецк. И он – капитан Чернышев, один из шести с половиной миллиардов жителей земли проживает чужую жизнь в этой безмерно малой точке. А земля – одна миллиардная, если не триллионная частица планет и миров, хаотично разбросанных в бесконечной вселенной! Виноградные гроздья... сколько этих виноградин нанизано на ветвь времени?! Отчего – то вспомнился рассказ Бредбери. Путешественник во времени раздавил бабочку, и изменил ход мировой истории. Вы где находитесь, капитан Чернышев? В другом времени, в чужом пространстве, или в курортном городке Сестрорецке?! Ответ простой. Он мужчина, из древнего времени защищает самку от хищников. Минули тысячелетия, но ничего не изменилось. Он – голый и безоружный закрывает грудью свою женщину. И в сердце бушует такой же пожар ярости, что горел десятки тысяч лет назад у его древнего предка! И погасить это разбушевавшееся пламя, может только кровь убитого врага.

Будто со стороны Виктор услышал свой крик, и прыгнул на чудовище. Хищник угадал движение за долю секунды. Он бросил распластанную на земле жертву, и совсем по – кошачьи выгнул спину. Миндалевидные незрячие глаза смотрели в пустоту, большие уши, словно локаторы чутко реагировали на малейшее движение противника. Мужчина вцепился коту в шею, пальцы погрузились в губчатую упругую плоть. Зверь извернулся, и полоснул человека когтями по шее, но Виктор не разжимал смертельную хватку, хищник зашипел, перевернулся на спину, отчаянно болтая в воздухе задними лапами, пытался высвободиться из тисков. Блеклые глаза налились алой краской, кот задышался. Из кустов донеслось злое рычание. Человек обернулся, прямо на него бежал еще один слепой кот. Он неестественно выворачивал голову на бок, глаза смотрели в черное ничто. Кот молниеносно определил местоположение врага, и вцепился Чернышеву в щиколотку. Не обращая внимания на сильную боль, Виктор издал свирепый крик, навалился всей массой на задыхающегося противника, и с лютой радостью услышал хруст ломающихся шейных позвонков. Он нанес

сильный удар коту по голове, тот вздрогнул, но не отпустил ногу. Мужчина схватил хищника за ухо, и сильно дернул его на себя. Кот отчаянно завизжал, и отскочил в сторону. Виктор вскочил на ноги, в руке он машинально сжимал кусок кровотокающей плоти. Лишенное уха животное растерянно топталось на месте, человек издал победный вопль, и услышал за спиной многоголосое зловещее урчание.

– Слепые кошки всегда нападают стаями! – неожиданно ясно и отчетливо произнесла Ола. Девушка прижалась спиной к дереву, и огромными глазами наблюдала за тем, как разворачивается кровавая драма.

– Почему ты не потеряла сознание... ну не отключилась?! – выдохнул мужчина. Он лихорадочно соображал, что делать дальше. Нужно оружие. Любая дубина, или камень. Каждый из котов весит около сорока кило, острые зубы, длинные когти, вон как сочится кровь из ноги! Один мертв, другой покалечен, а из кустов надвигается еще полдюжины. Необходимо оружие, иначе они разорвут его заживо. И тогда к мертвым мышками прибавится труп здорового мужика! Десять тысяч долларов на дороге не валяются, дорогой капитан!

– Почему ты не впала в анабиоз? Ну, черт возьми, не заснула?! Почему?! – не сводя глаз со стелящихся проваленными животами по земле уродцев, он нащупал босой ступней корявую сучковатую дубину. Подойдет!

– Ола не хотела оставлять тебя одного... – просто ответила девушка.

– Умница! – мужчина быстро нагнулся, схватил дубину, и отвел руку для удара. И тут яркая вспышка поглотила солнечный диск, сильный удар в спину опрокинул человека на землю, и наступила тишина. Так быстро, словно невидимая рука обесточила солнце на этой сказочной планете...

– У вас удивительная нервная система! Такое впервые встречается в моей практике. Вы умудрились задремать накануне опасного эксперимента! Однако, какие редкие показатели энцефалограммы! Просто чудо! На быстрый сон не похоже, такое впечатление, что вы бредили наяву. Очень высокая электрическая активность мозга, господин Чернышев! Вы не употребляли накануне психотропные препараты? – увеличенные линзами очков, глаза доктора Евтушенко выражали искреннюю заботу и недоумение. Она быстро пролистала склеенную по старинке карту. – Хотя нет... Отличные показатели крови, остаточные следы алкоголя... Тест на наркотики отрицательный. Да вы и не похожи на наркомана! – бледные губы тронула улыбка. – Думаю, все будет хорошо. Кровяное давление, сердце, иммунный статус – выше всяких похвал. Люда, можно заканчивать! – доктор отошла в сторону, продолжая листать странички.

Над распростертым мужчиной склонилась рыжеволосая девушка. Непокорная прядь ласково коснулась обнаженной груди человека. Она неловко отлепляла присоски от груди, ног, бедер. Веснушчатое лицо алело как у школьницы при первом поцелуе.

– Я думала, что прибор сломается! – она укоризненно покачала головой. – Стрелки зашкалило...

– Черт побери! – хриплым голосом прошептал Виктор. – Что случилось?!

– Вы лежали на скамье, мы с Верой Павловной снимали показатели энцефалограммы, потом вы задремали, буквально на секунду, и вдруг, чрезвычайно сильный всплеск мозговой активности! В такие мгновения люди совершают великие открытия! – она сгорбилась над большим конторским журналом, и быстро чертила какие – то каракули. Кончик языка девушка высунула наружу, как прилежная ученица. Нелепо было видеть обычную бумагу

и ручку в эпоху компьютерных технологий. Девушка перехватила его взгляд, и виновато улыбнулась.

– Наше руководство требует вести бумажную документацию. Причин не объясняют. Но вы не волнуйтесь, вся информация хранится на сервере организации.

– Что сейчас было?! – повторил мужчина.

– Крепкий сон – залог отличного здоровья! – улыбнулась доктор Евтушенко. Она сжимала в руке пневматический шприц. Казенное лицо без следов косметики обнимали очки с толстыми линзами. Огромные голубые глаза под линзами превращали обычного человека в сказочного персонажа. Ничего не изменилось. Лицо стареющей феи.

– Присядьте, пожалуйста!

Виктор послушно сел, скамья неприятно холодила обнаженные ягодицы.

– Вы – доктор Евтушенко, родственница знаменитого поэта?

– Всего лишь однофамилица. Можете звать меня Вера Павловна. – она усмехнулась –

А вы – шутник, голубчик... Поднимите руку наверх, пожалуйста!

Послушно, как манекен, он завел кисть за голову.

– Что здесь происходит?!

– Обычная инъекция... – подмышку пронзила острая боль, под кожей тотчас образовался плотный желвак.

– Это уже все было! – прошептал человек. Он изумленно смотрел на обеих женщин.

Рыжая Люда принесла голубой халат.

– Оденьте это...

Виктор автоматически продел руки в широкие рукава.

– Эксперимент... он разве еще не состоялся?!

Евтушенко коротко на него взглянула поверх очков, достала из кармана халата две красные таблетки, с глубокой риской посередине.

– Это не рекомендуется, но я понимаю ваше состояние. Не каждый день люди стоят на пороге величайшего открытия. Примите, только не выдавайте меня, хорошо? – она позволила себе подмигнуть, и стала немного похожа на живую женщину.

Чернышев отрицательно помотал головой. Он порывисто встал на ноги, прошелся по сверкающему белизной кабинету, подошел к чудо-машине, провел пальцами по проводам, трубам и присоскам. Внимательно ощупал холодный металл.

– Да, да... все было именно так, конечно! Виноградная лоза! Пространства, нанизанные на ветку времени! Штраус говорил об изменении времени, только я слушал его вполуха! Где профессор?!

– Сейчас придет! – ответила доктор. Она обменялась с лаборанткой многозначительным взглядом.

– Именно так! Конечно, у Михаила Семеновича болело сердце. Но в прошлый раз все было немного иначе! Ну по другому, понимаете? Другие слова, события... – Виктор возбужденно носился по комнате. – Значит, я вернулся в точку времени предшествующую эксперименту, это ясно?!

– Не понимаю, о чем вы сейчас говорите, но профессору давно следует начать лечить гипертонию и ишемическую болезнь сердца. Может быть, вы уговорите его начать принимать лекарства? А как врач, я бы не рекомендовала бы вам в таком состоянии входить в зону! – она раздраженно сунула таблетки в карман халата, и вышла наружу. За ней следовала верная Люда, девушка кинула затравленный взгляд на мужчину, скрылась за дверью, держа подмышкой верный журнал. Виктор опустился на скамью.

– В прошлый раз я не знал имени лаборантки и врача... – он грустно усмехнулся. Ужасно хотелось курить. Раздавленная бабочка привела к изменению языка, страны, политической власти. Вместо гуманиста к власти пришел новоявленный фашист. Даже фамилия

у персонажа рассказа была Дейчер. В переводе – «немецкий». Наивная ассоциация с Гитлером. Рассказ назывался «И грянул гром...»

– И грянул гром... – повторил Чернышев вслух. Распахнулась дверь, вошел профессор Штраус. Он болезненно морщился, растирая ладонью грудную клетку.

– Ну, как вы себя чувствуете? – присел на кресло, и неуклюже похлопал мужчину по коленке. Он все делал неловко, этот честный профессор, в коротких отутюженных брюках.

– Рассказ Рея Бредбери назывался «И грянул гром...» Наверняка читали?

– Неоднократно! Герой охотился на динозавра, сошел с тропы, раздавил бабочку, и это повлекло за собой цепь измененных событий. Красивая сказка. Мы с вами беседовали на эту тему, машину времени создать невозможно даже теоретически.

– А как же зона?

– Зона – не более чем одно из вероятных пространств. Я уверен, что мы сумеем про нее узнать больше после вашего, ну, скажем так, вашего визита в зону. Мы возлагаем на этот эксперимент большие надежды.

– Благодарю за оказанную честь! – усмехнулся Виктор. – А как же опыты с мышами, собаками, кроликами и кошками?

– В зоне постоянно находятся десятков мышей, ничего особенного с ними не случилось.

– И никто из них не погиб, не провалился в тар-тарары, не обратился в чудовище с рогами и третьим глазом на лбу?!

– Упаси Бог! Конечно, эксперимент небезопасен, я вчера об этом говорил. У мышей меняется поведение после кратковременного пребывания в зоне, но с точки зрения физических кондиций, они выглядят здоровее своих собратьев!

– Они становятся агрессивнее?

– Пожалуй... – осторожно ответил Штраус.

– И кошки куда не исчезли?

– Не понимаю, о чем вы говорите... «Жук» теряет стабильность, мы боимся, что зона ускользнет, иначе бы я не предложил вам туда отправиться немедленно. Мы рассчитывали провести еще серию опытов, но спонсоры дают... – мягкие черты лица исказила недовольная гримаса.

– А что вы скажете, Михаил Семенович, если я вам отвечу, что уже проделал это?! Ну то есть, уже побывал в зоне.

– Что значит... это шутка такая?! – круглые очки поползли вверх по лбу Штрауса, словно дужки были привязаны невидимыми ниточками.

– Что показал зонд? Страшный и удивительный мир, не правда ли?! Только запись не сохранилась, вернее сказать она изменилась спустя полчаса.

– Какой зонд... Вы хорошо себя чувствуете?!

– Доктор Евтушенко в восторге от моего здоровья. Вы проводили съемки в зоне?

– Конечно! Несколько камер работают круглые сутки без перерыва!

– И что они показывают?

Профессор поерзал на месте, снял очки, и нервно протер стекла носовым платком.

– Вы мне не нравитесь, Виктор, ей Богу! Давайте, я сейчас позвоню господину Рослову, и мы отменим эксперимент.

– Рослов?! Димка Рослов?!

– Дмитрий Алексеевич, ну да... Он представитель заказчика моего проекта. От военного ведомства. Кстати сказать, он хотел с вами встретиться. Вы ведь кажется бывшие сослуживцы?

– Вроде того, был грех... – Чернышев поднялся со скамьи, нахмурил лоб. – А если я откажусь от участия в эксперименте?!

– Не скрою, вы нас сильно подведете, но мы не можем насильно принудить испытателя отправиться в зону. Однако, вознаграждение можно получить лишь после выполнения миссии, таково условие договора. Вы сами его давеча подписали.

Виктор закрыл лицо ладонями, и громко рассмеялся. Профессор смотрел на него выпученными глазами, полное лицо покрыли красные пятна, он поглаживал грудную клетку, и ждал, пока странный собеседник насмеется всласть.

– Ну да, конечно! – Чернышев вытирал слезы, и не мог остановиться. – Заключение серьезного договора, выглядит как покупка джинсов у спекулянта! Скажите пожалуйста, ваша фамилия Штраус?

– А вы имеете что-нибудь против? – толстяк насупил, как обиженный ребенок.

– Упаси Бог, упаси Бог... Я родился в ту эпоху, когда национальность не имела принципиально значения! Проверяю одну версию. Вам пятьдесят восемь лет, холост, заведовали кафедрой в Политехническом, так?

– Все именно так, я вчера сам об этом рассказывал! Зачем вы спрашиваете?

– Извините меня... – Виктор прекратил смеяться вытер глаза, и серьезно посмотрел в лицо Штраусу. – Это значит, что Настя не покрыла долг. Впрочем, вас это не касается, дружище. – он порывисто поднялся. – Я готов! Куда идти?! Где эти ваши пространства нанизанные на виноградную гроздь?

– Запомнили? – Штраус покраснел от удовольствия. – Не скрою, удачная метафора, но не более того. С научной точки зрения процесс выглядит много сложнее и объемнее. Эйнштейновская база знаний безнадежна устарела, мы должны это признать, хотя и она явилась основоположницей квантовой физики. За сто лет релятивистская механика обросла могучими колоссами, мир Минковского, теория струн, а за последние годы, благодаря созданию адронного коллайдера, появилась так называемая частица Бога. Бозон Хигса, если вам это что то говорит. Но если быть честным, мы ни на йоту не приблизились к истинному пониманию пространства и времени! Ну получили бозон, а дальше что?! Господин Хигс – блестящий ученый, но наличие поля Хигса предполагалось еще в семидесятые годы прошлого столетия! Так, мир обзавелся очередной остроумной гипотезой, которая якобы, разъясняет Стандартную модель микромира. Да ни черта она не объясняет! – пухлые щеки профессора рдели как революционные стяги, речь приобрела плавную текучесть, слова выскальзывали изо рта как отшлифованные стразы. – Вдумайтесь, на пороге сколь грандиозного события мы с вами сейчас стоим?! Банальные гравитационные поля, облаченные в жидкокристаллические кузны, приоткрыли ворота в параллельные миры! Кстати сказать, наша система сокращенно называется «ЖУК», – Жидкокристаллическая универсальная кузня! Забавное название, согласен! Но расшифровка займет чересчур много времени...

– В прошлый раз вы мне этого не говорили! – Усмехнулся Виктор. Различие сценариев пока было незначительным, на первый взгляд почти незаметным. Он вспомнил детские идентичные картинки в иллюстрированных журналах. Найди девять отличий. Мальчик играет с собачкой на дворе, а из окна за ним наблюдает бабушка. Без особых усилий можно увидеть раскрашенное ухо дворняжки, и кривые полосы на портфеле ее хозяина. А вот то, что у бабушки платок завязан разновеликими узлами видно не сразу. Требуется внимание, терпение и усидчивость.

В дверь робко постучали, в проеме показалась черноволосая женская головка.

– Михаил Семенович! Последние тесты показывают погрешности гравитации в верхних границах! – девушка обращалась к профессору, но не отрывала глаз от мужчины мешковатом голубом халате. Штраус споткнулся на полуслове, Чернышев подмигнул брюнетке, и старательно копируя манеру разговора собеседника, чревовещал.

– Стабилизируйте гравитацию, и подключите целевой генератор, как дети малые, ей – Богу!

Девушка и профессор как по команде повернули к нему растерянные лица. Воцарилась пауза. Было слышно, как за стеной гудят машины.

– Ну пошутил, пошутил... – Виктор был не рад, что сморозил глупость.

Михаил Семенович снял очки, протер стекла платком, машинально поправил безукоризненный узел на галстук.

– Вы что не слышали?! Шагом марш работать! До последнего теста осталось десять минут!

– Или вечность... – тихо сказал Чернышев. Ему было жаль добряка Штрауса, хотя следует признать, в своем прошлом воплощении он нравился капитану больше. Девушка выскочила за дверь, и оживленно судачила с кем – то в коридоре.

«Фальшивая Мерлин...» – уверенно решил мужчина. – «Мерлин, любовь моя...» Различий не так уж много! Вероятно, гибель слепого кота в одном из так называемых пространств не оказала принципиального влияния на ход истории. Глупо ссылаться на фантазию гениального американца, как на аксиому.

– Откуда... – профессор закашлялся, его лицо побагровело. Трясущейся рукой он налил стакан воды из графина, залпом выпил. – Откуда вы знали, что именно я собираюсь сказать!

– Вы все равно не поверите.

– Попробуйте! – Он оседлал стул, оперся локтями на спинку, и поджал губы. – Я вас слушаю.

Дверь по – хозяйски распахнулась, на пороге объявились двое мужчин в штатском.

– Михаил Семенович! Вас ждут в центральном отсеке. До начала эксперимента осталось двадцать минут. Дмитрий Алексеевич велел передать, что ждет с нетерпением.

– Подождет! – кинул через плечо толстяк. – Закройте дверь! – рывкнул так, что задрожали стеклянные колбы.

– Вы вероятно не понимаете, с кем имеете дело... – мягко, будто увещевая душевнобольного заговорил высокий брюнет.

– Закройте дверь! – четко, по слогам повторил Штраус. – Мне необходимо ровно две минуты. Так и передайте вашему шефу.

– Но если... – в голосе брюнета послышались угрожающие нотки, он шагнул вперед.

– Но если вы попытаете оказать на меня давление, уважаемые господа, я выключу систему ко всем чертям! И зона исчезнет в бесконечной вселенной, согласны?! Провалится к чертям собачьим, сгинет в преисподней! Дверь закройте!

Брюнет открыл было рот, но его товарищ, невысокий, плотно сбитый мужчина быстро шепнул что то на ухо коллеге. Они повернулись, и вышли наружу, крепыш тихо говорил по радиотелефону. Виктор восхищенно хлопнул в ладоши.

– Bravo! Не ожидал от вас! Честное слово!

– Циничные люди, без сердца и совести! – пробурчал толстяк, и отчаянно морщась, растер грудину. – Времени в обрез! Я – ученый, в телепатию и чтение мыслей не верю, тем паче в вашем исполнении. Рассказывайте!

– Вряд ли вы мне поверите... – устало покачал головой Чернышев. – Рассказ коротким не получится, я приму участие в эксперименте, иначе Настя не вернет долг. Мне некому больше доверять, Михаил Семенович! Обещайте, что если я не вернусь, вы отдадите деньги моей девушке, телефон вбит в сотовом, написано Stasy.

Профессор быстро кивнул.

– Я помню, и все сделаю. Можете на меня положиться. Но вы так и не ответили...

По коридору грохотали тяжелые шаги.

– Времени нет. Капсулу для инъекции вам дал Рослов?

– Ну да... Откуда у меня мог взяться такой препарат?! Но какое это имеет отношение...

– Не важно. – грубо прервал собеседника Чернышев. – В тот раз вы были правы, профессор! Чужой мир, страшный, волшебный и удивительный. Только один вопрос. Что было записано на видео?!

Штраус нахмурил лоб. В дверь требовательно постучали.

– Сейчас иду! – яростно огрызнулся он. Поднялся, оттолкнул стул, и шагнул к дверям. – Я блефовал. . . Система – мое детище, но они запросто справятся и без профессора – скандалиста. Надо идти, служить! – толстяк сгорбился, и побрел к дверям.

– Я уже был в зоне! – громко и отчетливо произнес Виктор. – Я вернулся в точку времени, предшествующую моему отправлению. Некоторые события оказались изменены. Я случайно запомнил фразу про целевой генератор. Подумайте сами, откуда я мог ее знать? Мир за пределами зоны действительно опасен, я могу не вернуться назад живым. . . что было записано на видео, Штраус?!

Михаил Семенович взялся за дверную ручку, сжал грудь ладонью, будто хотел вырвать из грудины непокорный миокард, лицо исказила судорога боли. Он набрал полный рот воздуха, и быстро проговорил.

– Я не знаю, можно ли вам верить. . . Все что вы говорите это похоже на фантастику или вы – великий мистификатор. В последнюю версию верить с трудом, вы не похожи на Калиостро или Вольфа Мессинга, дорогой капитан! Съемки оказались низкого качества, хотя мы использовали дорогостоящую высокочувствительную аппаратуру. Камера фиксирует всего лишь поток фотонов, который отражается на объективе. Внутри колбы находятся кусок земли, и два куба черного воздуха. Когда в фокусе появлялись животные, они вели себя как обычно, хотя, пожалуй, излишне нервозно. Впрочем, имела место одна особенность, но ее удалось обнаружить только сегодня. Микроскопически малая десинхронизация времени между реальным изображением, и таймером, наш сотрудник не придал этому факту значения. Странно, что вы об этом спрашиваете. . . буквально перед тем, как зайти сюда, я увидел на дисплее нечто отдаленно напоминающее контуры человеческой фигуры. Впрочем, нет! Едва ли заснятый персонаж походит на человека.

– Запись! – подался вперед всем телом Виктор. – Камеры обязаны были зафиксировать мое присутствие в зоне. У вас же имеются приборы, они могут расшифровать изображение!

– Увы! – Штраус грустно покачал головой. – Лаборантка отлучилась буквально на минуту, и по роковой случайности отключила режим записи.

– Еще одно различие! Черт побери вашу контору, профессор! Вы не могли проморгать такое событие, как вход испытателя в зону!

Распахнулась дверь, неуклюжего толстяка едва не сбили с ног ворвавшиеся клоны в костюмах. Помещение мгновенно заполнилось людьми, остро запахло резким мужским одеколоном.

– Господин Чернышев! Вас ждут для беседы! – коренастый офицер смотрел на него настороженно, и держался на безопасном расстоянии, словно зашел в палату к буйно помешанному пациенту.

Виктор тряхнул головой, широко улыбнулся, и поднялся со скамьи.

– Господа, я к вашим услугам! – фраза прозвучала напыщенно, но он смог удержаться от соблазна.

– Привет, Черныш!

– Здорово, Рослик! Я думал, что ты погиб!

– Многие так думали. . . – Димка набрал несколько лишних килограмм, круглый череп проели глубокие залысины, серые глаза смотрели бойко и насмешливо. Дорогой костюм,

цвета вороненой стали сидел на нем как влитой, запястье обнимал золотой браслет часов, на мизинце сверкал голубой камень кабашон, утопающий в изящной золотой оправе, и два небольших бриллианта по бокам. Такое кольцо антиквары называют «офицерским», говорят, украшение стоит немалых денег. Рукопожатия не состоялось. Бывший товарищ вышел навстречу посетителям, и присел на краешек стола. За его спиной жужжал факс, на столешнице был воссоздан проект «кузни», – изящная модель стеклянной колбы, опутанная крохотными проводами.

– Ты стал большой шишкой, Рослик!

– Это?! – он небрежно обвел ладонью кабинет, бережно тронул безымянным пальцем сапфир. – Ничего особенного, так, халиф на час!

– Тогда, в Ливии, мы думали, что тебя взяли в плен.

– Зачем? – Рослов пожал широкими плечами. – Я сам предложил американцам сотрудничество.

– Кажется, раньше это называлось – предательство?

– Раньше были другие ценности, многое поменялось, люди стали другими. Ты все еще встречаешься с этой девицей, ну как ее... – он щелкнул в воздухе пальцами, притворно нахмурился, якобы силясь вспомнить имя девушки.

– Настя. Ее зовут Настя, не переигрывай, Рослик! Помнится, ты пытался за ней ухлестывать, или я что – то путаю?! Теперь это уже не важно. Мы с ней обручены.

– Как старомодно! Только колечко придется снять, Черныш! В зону ничего нельзя проносить с собой.

– Пожалуйста! Вместе с пальцем!

Димка широко улыбнулся, и непринужденно оперся локтями о гладкую полировку стола.

– Да... – протянул он. – Ты совсем не изменился. Все тот же без башенный отморозок! Профессор! – он небрежно повел бровью, тотчас подошел бледный Штраус. Он нервно комкал в пальцах носовой платок, испуганно глядя на обоих мужчин.

– Я слушаю!

– Как быть с кольцом? Я неплохо знаю этого молодца. – Рослов усмехнулся. – Если потребуется снять цапку силой, он нашу богадельню в щепы разнесет, прежде чем его скрутят!

– Ни в коем случае! Ни в коем случае... последние дни система весьма нестабильна, мы не имеем права рисковать! – он искоса взглянул на Виктора. – Конечно, золото – инородный материал, но у нашего испытателя наверняка стоят пломбы, коронки... я думаю, ничего страшного, не вижу противоречий...

Чернышев с симпатией посмотрел на Штрауса. Он, конечно, отчаянно трусит, вон скулы бледные, как у мумии, но своих не предает.

– Ну что же! Будь по вашему, господа ученые! – Рослов развел руками. – К сожалению, времени в обрез, Бог даст, коли вернешься целым и невредимым, поболтаем еще. У нас ведь есть что вспомнить, не так ли Черныш?

Виктор молча кивнул. Появление Димки Рослов в корне меняло нынешний сценарий. Теперь он боялся входить в зону, вспомнилась едкая слизь, чуть не сожравшая его заживо, и сердце забило часто и тревожно. Мужчина стиснул кулаки, и отвернулся.

– Лучше бы вам уйти, подбру-поздорову, Дмитрий Алексеевич! Мне конечно нужны деньги, но я ведь могу передумать! – его лицо искривила злобная гримаса. – Безнадежный романтик, говоришь! Ты ведь не хочешь, чтобы я в присутствии подчиненных свернул тебе шею, а Рослик?! Крепкие ребята, но они едва ли они успеют мне помешать, а ты набрал пяток лишних кило, да и всегда был никудышным рукопашником.

Рослов поднялся со стула, его лицо побагровело, кулаки яростно сжимались. Стоящий рядом офицер неуверенно смотрел на шефа.

– Дмитрий Алексеевич! Какие будут приказания?

Мужчина вдруг запрокинул голову, громко расхохотался, и хлопнул в ладоши, словно оценив удачную шутку бывшего сослуживца.

– Ты не меняешься, Черныш! Каким был весельчаком, таким и остался! Лады. Продолжим беседу после твоего возвращения. Я не прощаюсь! – он стремительно вышел из помещения, оставив после себя дымок сладкого одеколона. Сильно разило лимоном, имбирем и бергамотом. Чудно видеть офицера, пользующегося духами фирмы «Пако-рабан». Группа сопровождения поспешно следовала за шефом. В комнате остались насмерть перепуганный профессор и Чернышев.

– Тьфу, черт! – весело выругался капитан. – Терпеть не могу запах имбиря. Воняет, как в дамской примерке. Странно, что он еще губы не покрасил! Рослов всегда был дешевым пижонем, но его часики стоят не меньше чем моя пожизненная военная пенсия.

– Мне страшно! – тихо признался Штраус. – Знаете, Витя, я на секунду представил себя на вашем месте, и аж поджилки затряслись. Нашего брата исследователя нельзя судить строго. Ученые люди немного похожи на жестоких детей, уничтожаем себе подобных из пустого любопытства.

– Мне тоже страшно... – Виктор крепко сжал руку толстяка. Ладонь была холодной и влажной. – Говорят, любопытство сделало из человека обезьяну. И спасибо, вам, Михаил Семенович!

– За что?!

– За кольцо... Я ведь тоже немного блефовал. Эти парни в отличной форме, вряд ли они дали мне возможность приблизиться к их шефу.

Металлический голос из селектора объявил о пятиминутной готовности. Этого тоже не было в прошлый раз. Красная лампочка над дверью тревожно моргала воспаленным оком.

– Мне пора! – встрепенулся Штраус. – Он замялся у дверей, затем, повинувшись внезапному порыву подбежал к мужчине, и обнял его. – Я холост, у меня нет, и уже наверняка не будет детей, но я мечтал бы о таком сыне! – он отвернулся, смущенный своим порывом, и выскочил за дверь.

– Дай Бог вам здоровья, Михаил Семенович... – прошептал Виктор. – А капитану немного везения...

Конечно, он лукавил, когда делал вид, якобы встреча с Рословым не произвела на него впечатления. Чернышев растерялся, но виду не подавал. Он и сейчас чувствовал себя подавленным, а отвратительный запах имбиря надолго засел в памяти. Как докучливая заноза. Он помнил его даже когда входил в колбу, и не мог отличить, или это навязчивое дежа-вю, или стены камеры пропитались ароматом одеколона. Важно другое. Он забыл переспросить у профессора, что запечатлели камеры, а вспомнил, когда уже шел по длинному коридору.

– Черт с ним! – проговорил Виктор вслух, желая себя подбодрить. – Прорвемся...

Шлюзы распахивались, один за другим, повинувшись неслышной команде, как сердитая змея шипел сжатый воздух, нагнетаемый в помпу, моргали лампочки. Голый человек шагал по холодному полу, боковым зрением он увидел, как из дверей высунулась, и тотчас исчезла брюнетка. Ему стало немного спокойнее, события давшие было изрядный крен, возвращались в привычное русло. Что там было в нацарапано первом варианте договора? От испытателя требовалась психическая стабильность! Где они такой термин выкопали?! Последняя дверь уверенно закрылась за его спиной.

– Капитан, капитан, улыбнитесь!

Что сказал Гагарин перед стартом? Покорившее весь мир словечко «Поехали!». Надоедливо моргала тусклая лампочка. Со свистом насосы выравнивали давление, заложило уши. Виктор зажмурил глаза. Милая Настя... они не виделись всего несколько часов, но казалось, будто минули недели. Перед сомкнутыми веками объявилась миниатюрная девушка с золотой кожей. Мужчина тряхнул головой, иллюзия подчас кажется убедительней реальности! Что – то неприятно кольнуло кожу на ладони. Он разжал кулаки, в тусклом свете цветной лампочки явственно виднелись короткие волоски шерсти, смешанные с подсохшей сукровицей. Виктор приблизил ладонь к глазам – он всегда неплохо видел в темноте. Жесткая щетина, наросшая на кусок свежей плоти... Проклятье! У героя из рассказа Брэдбери на сапог налипли останки древней бабочки, и вместе с куском доисторической глины, тот приволок ее в наше время, и что там было дальше?! К власти пришел господин, напоминающий фюрера. «Создать машину времени невозможно!» Чернышев хотел закричать, он даже распахнул рот, как задыхающаяся рыба, но не успел. Лампочка погасла, и узкие ворота, раздвинулись в стороны...

Раскаленное солнце немилосердно жгло кожу. Пот стекает по лицу, слепит глаза, каждая клеточка тела покрыта распаренной влагой. Время сконцентрировалось в крохотной точке вселенной, почти неуловимой, незаметной даже сверх точными измерительными приборами. Несуществующее мгновение – здесь и сейчас, оно уместно только в литературных описаниях. Настоящего момента не существует в природе, это сжатая с обеих сторон пустота, где позади исчезнувшее навеки прошлое, и впереди – еще не случившееся будущее. Ничто. Упомянутый Штраусом бозон Хигса – гигант в сравнении с настоящим временем. Для настоящего времени нет определения в физическом мире. Пустой вектор, направленный на себя. Змея, кусающая свой хвост – символ бесконечности у индейцев племени майя. Оно используется в грамматике всех языков кроме арамейского. В арамейском языке настоящее определяется как производная свершившегося события. Во всяком случае, так было в древности. Нынешние сирийцы используют обычную версию сочетания глаголов, для определения времени. Тысячелетия поменяли историю, но они не изменили человеческую природу...

Слепой кот застыл в воздухе, как персонаж из диснеевского мультфильма. Невидящие раскосые глаза затянуты белой пленкой, черная пасть открыта, загнутые когти нацелены в горло врагу. Пальцы онемели от рукояти дубины, следы липкой плаценты свисают с плеч, груди, живота и бедер, мускулы напряжены как узловатые канаты, человек похож на дикого самца из архаичной эпохи. Варвар из минувшей эры, когда планета была юная, доверчивая и опасная. Мужчина закрывает спиной крохотную самку, чьи бирюзовые глаза широко распахнуты, золотая кожа блестит на солнце, как полыхающее зарево лесного пожара. Голубые деревья плачут в голос, протяжный стон разносится над горячей землей. Слепящий диск миновал точку зенита, и неподвижно застыл на небосклоне, будто пылающая звезда. Нанизанные на извилистую ветвь гроздья виноградин источают ядовитый сок. Капризное время течет по своим, неподвластным материи законам. Тысячелетия цивилизованных поколений ухнули в бездонную яму небытия, словно их и не было вовсе. Совершив причудливый виток, история вернулась в исходную точку эволюции. Голый самец с примитивным оружием в руках защищает самку. Цикл замкнулся. Девушка закрыла маленькими ладошками глаза, и жидкий воздух обрушился с небес, щедрой золотой россыпью.

Виктор услышал свой яростный рев, удар встретил кота влет. Хищник кувырнулся в воздухе, и упал в кусты с переломанными ребрами. Мужчина резко развернулся, но опоздал на долю секунды – незрячие звери оказались чрезвычайно проворны, едва не сбив человека с ног, ему в плечо вонзил когти взбешенный хищник. Из распахнутой пасти разит ацетоном, приглушенный рык захлебывается, изо рта течет желтая слюна. Капли едкой жидкости

падают на кожу, и с шипением разъедают плоть. Отбросив никчемную дубину, Виктор вонзает пальцы в незащищенные глаза противника. Пальцы погружаются в студенистую массу, кот воет, его когти разжимаются, и хищник вертится вьюном вокруг своей оси. Мужчина подхватывает свое оружие, и невзирая на сочащуюся из плеча кровь, атакует животных. Невредимых бойцов осталось восемь особей. Двое лежат без движения в высокой траве, один, утратив ухо, потерял ориентацию, топчется на месте, тихо скулит как обычный котенок. И наконец, еще один корчится от боли, из пустых глазниц вытекает алая жижа. Славная битва! Похоже, звери не ждали такого отпора от чужака! Они поджимают куцые хвосты, уши как локаторы напряжены, густая синь вен на розовой раковине, вздулась от напора густой крови. Они неуверенно снуют на месте. Наконец, словно повинувшись неслышной команде, хищники скрываются в колючем кустарнике. Виктор отбрасывает дубину, вытирает струящийся со лба пот, слепит глаза. Тупая боль пронизывает грудь и плечо – кожа исполосована длинными кривыми порезами. Он опустился на землю рядом с девушкой, и подмигнул.

– А ты говоришь, слепые кошки всегда нападают стаями!

Время сдвинулось с мертвой точки. Боль вернула осознание реальности. Боль – лучший инструмент для постижения смертной природы. Девушка огромными глазами смотрела на мужчину.

– Кап сильный! Кап победил слепых кошек! Кап сильнее леших, и наверное, даже сильнее вепря! Кап может одолеть и Единорога, хотя имя его не следует поминать всуе! Кап – самый сильный и храбрый. . . – она оплела плечи тонкими руками, прижалась губами к кровоточащим ранам. – У Капа соленая кровь! – в голосе девушки прозвучал благоговейный трепет. – Кап – потомок богов!

– Милая, Ола, ты знаешь, как порадовать мужчину, но это чересчур! – Чернышев осторожно высвободился из объятий. Несмотря на боль от увечий, он опять испытал прилив желаний. Точно – извращенец! Потный, липкий как борец сумо, стокилограммовый мужик из города Петербурга, вожделеет золотую девочку, словно вонючий педофил! Похоже на строчку в желтой газетенке! От прикосновений нежных губ к свежим ранам, его словно током пронзило! Держи себя в руках, капитан! А Настя говорила, что он – сексуальный примитив. Здоровья много, а умения – ноль!

– Кап страдает! – Ола провела кончиками пальцев по его плечу. – Ола поможет! – она решительно прижалась к лицу обнаженной грудью, и коснулась губами уха. Сладкая музыка потекла из девичьего рта, обволакивающая неземная гармония проникала в сознание помимо воли, и погружала человека в состояние транса. Из мерцающих сплетений пурпурных гирлянд, и сиреневых всполохов радужных зарниц выплыло румяное лицо девушки Насти, но оно было бесконечно далеко отсюда, за сотни тысяч световых лет, на окраине млечного пути, в заброшенном Богом уголке вселенной. Голубые, со смешливыми зелеными крапинками глаза улыбались с поверхности маленькой планеты, по имени Земля. Из космоса эта планета похожа на симпатичный шарик, окутанный голубой прозрачной дымкой. С такими же зелеными точками на глянцевой поверхности зрачков.

– Капу нравится? – девушка отстранилась, пухлые губы доверчиво обнажили блестящие белые зубы. – Кап здоров?

Виктор стряхнул остатки дурмана, провел ладонями по груди – свежие подсыхающие шрамы. Обычно раны начинают рубцеваться на седьмой день. Судя по следам на коже, такой эпителий образуется через полторы – две недели.

– Ола – великий целитель! – он восхищенно покачал головой, копируя манеру разговора подруги. Девушка радостно захлопала в ладоши.

– Кап здоров и силен! – она нежно погладила ладошкой мужчину по животу. – У Капа могучий перст любви, но Ола готова спариться с ним. Ола ни разу ни с кем не спаривалась. . . – она смущенно опустила пушистые ресницы. – Ола умеет терпеть боль! Ола не будет

засыпать, если ей станет больно, – она лизнула язычком его потный живот. – Кап соленый, как потомок богов! – восторженно кричала девушка, и хлопала в ладоши.

О боги, боги! Неведомые боги, неведомой земли! Что вы делаете с несчастным капитаном?!

– Ола, милая! Послушай, меня, пожалуйста! – он лихорадочно стиснул бедра, усилием воли пытаясь укротить непреодолимое растущее сладострастие. – Там, откуда я прибыл... там все иначе, понимаешь?! – Он мученически завел глаза к небу, и выпалил. – У меня есть девушка, и мы с ней обручены! – он вытянул вперед безымянный палец. Получилось совсем уж нелепо. Словно пришелец демонстрирует инопланетянке неприличный жест. Пощадите капитана, жестокосердные боги!

– Мы обручены, вот кольцо!

– Какое кольцо?! – Ола безмятежно взирала на пустой палец.

– Что значит «какое»... – мужчина растерянно таращился на собственный безымянный палец. В области первой фаланги явственно отпечатался белый след от загара. Никакого кольца не было и в помине.

– Кап болеет? Ола может спеть Капу... – острые груди маячили в нескольких сантиметрах от его лица.

– Нет, нет! – Чернышев поспешно отпрянул, как взмыленный конь, ужаленный слепнем. – Я отлично себя чувствую, спасибо, милая... – Проклятье! Именно так он называл Настю! И еще, дитя Венеры... Как это было давно! День, неделя, месяц, годы, время – всего лишь кривая лоза на которой зреют спелые виноградные гроздья...

– Ола ни разу не спаривалась, хотя Рак предлагал много раз. Ола ждала Капа...

– Как это ждала?! – голова пылала, как расплавленный котел, сердце заходило в бешеном аллуре. Он никогда в жизни не испытывал такого волнения. Куда, черт раздери, подевалось кольцо?! Он совершенно ясно помнит, как Димка предлагал его снять перед экспериментом. Подлец, Рослов... Коварные боги!

– Ола часто видит сны. Очень немногие люди могут видеть сны, Ола может. Тот, кто видит сны, умеет петь. Низа не умеет... – в голосе девушки послышались оттенки ревнивого торжества. – Это сон случился давно, – ультрамариновая синь прозрачных очей, отразилась в блестящем зеркале небосклона. – Наверное, две ночи тому назад. Очень давно. В небе появилась дыра, оттуда пришли люди. Они были похожи на Капа. Это были боги, они исполняли желания, а боги отличаются от людей тем, что могут исполнять любое желание. Одного бога убил Единорог, Ола пыталась спеть, но бог умер. У бога была соленая кровь, такая же, что источает кожа Капа, как сок голубых деревьев. Но сок сладкий, а кровь и влага – соленые. Ола знает, что такое соль. Когда деревья умирают, из корней течет соленая влага. Ее пьют лешие... Они страшные и злые. Далеко отсюда, – она махнула рукой в сторону черных гор. – Раньше люди ходили туда, пока в горах не объявились лешие. Теперь туда нет хода, это плохо. Тот мир населяют боги. Там все желания будут исполняться, но через горы нет хода. Лешие... В том сне, Ола увидела Капа. Кап вышел из черной дыры, и сказал.

«Жди меня, Ола! Я скоро приду, и мы вместе пойдем в мир богов. И все наши желания будут исполняться!» Минуло две ночи, и ты пришел. Ола верит снам, Ола ждала и Кап пришел... – девушка замолчала. В сердцевине бирюзовых глаз мерцали два крошечных алых солнца.

– Хорошая история... – проговорил Виктор. Его мучала жажда, и жутко хотелось курить. – Где находится этот мир, населенный богами?

Девушка простерла рукой в сторону горной гряды. Высокие горы полукольцом опоясывали долину, солнце отражалось от камней, надо полагать, скалы состояли из базальта либо кварца. Угловатые кристаллы сверкали как золотоносная жила. Прищурившись внимательнее, Чернышев разглядел накипи красномедной руды. А территория, похоже, находка

для кладоискателей! Только сейчас он разглядел мерцающие самородки, которые поначалу принял за солнечные блики. Куски золота были разбросаны по земле, как серые булыжники! Он машинально провел ногтем по тому месту на пальце, где совсем недавно вросло в кожу тоненькое колечко. Для покупки колец ему пришлось продать пару старинных серебряных ложек, и потемневшее от времени ситечко. Антиквариат, доставшийся в наследство от матери. Одному злато, другому на халат заплаты! Виктор продолжал внимательно разглядывать окрестности. Кое – где, вцепившись корнями в негостеприимную землю, росли чахлые деревца. До предгорий не более пяти километров, хотя это впечатление могло оказаться обманчивым. На дальнем краю горной цепи, в точке слияния неба с горизонтом горы выглядели значительно ниже. Пологие, гладкие холмы, покрытые выгоревшей растительностью. Их не составит труда преодолеть. Несколько часов хорошего хода, и он окажется в стране богов. А там, как известно, исполняются любые желания...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.